

*Серик
Байхонов*

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР РАСТЕНИЙ

ПРОЛОГ

В тот день мы косили сено на полуострове, расположенном на озере Калганколь. Косили, пожалуй, сказано слишком громко, потому что сено косил в основном дядя Сафи. Я же все больше отсиживался в тени под густой раскидистой джидой. Дядя, прекрасно знавший, что от меня как от косаря толку немного, ибо я не горел особым желанием заниматься тяжелой работой, все время пытался отвлечь меня и что-то рассказывал, и вдруг стал очерчивать тамарисковым прутиком круг, размером с пепелище от костра.

– По аулу родному, вижу, скучаешь, плутишка, – обратился он ко мне, пытливо глядя в мое лицо. – Вот, если ты сейчас мне назовешь хотя бы половину из лежащих здесь трав, то обещаю, что вернемся домой пораньше...

Хотя частенько слышал от учителей похвальные слова, но испытание это, надо сказать, далось мне нелегко. Помню одно, что среди всего многообразия трав смог правильно назвать только две из них: прибрежницу – ажырык и тамариск – джингил.

– Так не пойдет, бала! – строго сказал дядя, касаясь прутиком трав. – Это же позор, ты мальчик-«атличник», а не можешь отличить одно растение от другого... Смотри и запоминай!.. Вот это – мята. Это – обычные каперсы... Вот эта трава называется вейником... а это – ферула вонючая...

Он перечислил еще с десятков трав, лежавших в очерченном им кругу, а затем вдруг замолчал и на миг задумался о чем-то.

– Этой игре научил меня твой дедушка... Он отлично разбирался в травах и мог без запинки назвать любую, какую бы ему ни показали. Мы с тобой, выходит, не в него пошли...

Что было, то былшем поросло, сколько же с тех пор воды утекло, сколько трав отцвело и сколько на их месте новых проросло. И хотя с той поры пролетело немало лет, но я и по сей день ни на миг не забываю про ту игру. Самое интересное, с тех пор мне не приходилось встречать среди своих ровесников хотя бы одного, кто бы смог безошибочно перечислить больше четырех или пяти видов трав. Печально, конечно же, но так и есть...

Возможно, самой судьбе так было угодно, но летом тысяча девятьсот девяносто шестого года я очутился на востоке страны, а точнее, в областном центре Восточного Казахстана – Усть-Каменогорске. В то время, как только у меня появлялось свободное время, устремлялся на Рудный Алтай, где лелеял мечту обосноваться навсегда.

Место, где Ульба впадает в Иртыш, местные жители называют «Стрелка». Река эта берет свое начало в самом сердце Рудного Алтая, и, сливаясь неподалеку от Усть-Каменогорска с двумя своими притоками Громотухой и Тихой, превращается в полноводную артерию с сильным течением. А с наступлением весны, когда на горных реках бушуют паводки, эта широкая река со своим и без того мощным течением становится неуправляемой грозной стихией, которая сокрушает и пожирает свои берега, играючи вырывая с корнем растущие на них огромные столетние сосны и унося их за собой словно щепки. После этого невольно проникаешься жалостью к Белому Иртышу, который, пройдя через озеро Зайсан и Бухтарминское водохранилище, напротив, выбившись из сил, медленно и вяло катит свои воды до места своего слияния с Ульбой.

Каждый день я, как человек, не обремененный особыми делами, приходил сюда и садился возле памятника участникам войны. Воды Иртыша, вышедшие через Бухтарминскую плотину, текли безмятежно медленно и были совершенно прозрачными, словно стекло. И вот, когда буйная, неистово бесновавшаяся Ульба, неся в своих бурных паводковых потоках наносы из обломков деревьев, ветвей и корней вперемешку с щепками, бешено накатывалась на Иртыш, то умиротворенно текущие воды последнего откатывались к левому берегу, заполняя все его отмели.

Устав наблюдать за картиной бесконечных столкновений между двумя реками, я не спеша брел по набережной бетонной дороге в сторону моста через Иртыш. Неподалеку от него находилась областная детско-юношеская библиотека, куда я и взял себе в привычку ходить в то время.

Как всегда, в библиотеке не было ни души. Но я, слезно упрашивая и умоляя девушек-библиотекарш, часто спускался в подвал, где находится книгохранилище. И здесь почти не осталось ничего интересного. По своей привычке, вошедшей в мою плоть и кровь с детства, искал книги путешественников, словари и справочники. Большую часть книг, выписанных мной из каталога, я тогда, к сожалению, так и не нашел. Было заметно, что самые ценные из книг, пользующихся спросом, попросту разворованы или выкуплены.

В один из таких дней мне в руки неожиданно попала тоненькая книжка в молочно-белом переплете. Автором её оказался Питирим Сергеевич Массажетов. Этой книге, которую, помнится, впервые пролистал-просмотрел много лет назад, еще работая в издательстве, я обрадовался так, как будто встретился со своим давним приятелем, и тут же засунул ее поглубже во внутренний карман... Придя домой, тут же стал перелистывать книгу. В предисловии к книге «Заветные травы» кратко повествовалось о том, что свое, полное опасностей и приключений, путешествие в Казахстан и Среднюю Азию П. С. Массажетов совершил в 1921 году за свой собственный счет. Прочитав строки о том, что в то время на южных окраинах Советской России «хозяйничали» банды басмачей, я задумался на мгновение.

К описываемому мною времени я уже считался «путешественником», и имя мое было известно если не всем, то многим. Проплыл на плоту по Сырдарье, пешком обошел вокруг высыхающего на моих глазах Арала, несколько раз обошел Голодную степь – Бетпакдалу, снял кино. Однако... Да, но кино-то я снимал не на свои собственные деньги, да и редко в одиночку отправлялся в путешествия.

Для человека, всерьез заболевшего познанием природы и запоем прочитавшего и перечитавшего книги Пржевальского и Семенова-Тянь-Шаньского, Тимирязева и Вавилова, путевые записи Массажетова, возможно были бы и не в диковинку. Но меня прежде всего поразила не научная ценность этих записей, а отчаянная смелость совсем ещё молодого человека, рискнувшего совершить путешествие в необъятные казахские просторы в то далекое тяжелое и смутное время. А самое важное, что во время того полного невзгод и тягот путешествия он нашел десятки редких растений и далее посвятил всю свою сознательную жизнь изучению и познанию полного чудес и загадок мира растений. Начало же научной деятельности, становление мировоззрения ученого, совершившего в течение сорока трех лет, с 1921 по 1964 год, свыше трех десятков дальних научных экспедиций, было напрямую связано с казахскими степями.

Самой трудной, самой значительной из всех этих экспедиций стало первое путешествие, совершенное им в казахскую степь в тысяча девятьсот двадцать первом году. Тогда молодой, двадцатисемилетний человек, только что открывший двери в полный тайн и чудес мир под названием наука, за сто сорок дней проехал в одиночку три тысячи километров пути. Ученый, начавший свое путешествие из города Барнаул, пересек на двуколке – двухколесной конной повозке больше половины территории Казахстана, преодолев Алтайские горы, Семиречье и далее через Ташкент доехав до Кисловодска.

Двадцать первый год... Всё еще свежи отголоски грозных, трагических событий двух революций, потрясших весь мир. Если не брать во внимание денежные расходы на дорогу и учесть, что в России всё еще бушевала гражданская война, а в центре Азии в самом разгаре происходили повсеместные восстания «басмачей», то его путешествие в одиночку, на свой страх и риск в доселе неведомые края, совершенное в столь смутное и тяжелое время, не назовешь иначе как неповторимым подвигом, на который способен не каждый смертный!

Неповторимый подвиг... Под словом «неповторимый» я подразумеваю то, что наряду со вкладом в ботанику как науку он отобразил в своих записях мир людей и растений, живших в то время, поведал о тех качественно новых переменах, происходивших к концу первой четверти прошлого века на большей части казахской степи, только начавшей принимать новые для себя жизненные ценности. Не случайно говорится: «Каждые пятьдесят лет народ обновляется, каждые сто лет казан заменяется». Каждое живое существо является неповторимым творением природы, явившимся на белый свет по предписанию Творца-Создателя. Людей, с которыми встречался и о которых рассказывал Питирим Сергеевич, сегодня, увы, уже нет в живых, а многие виды описанных ими растений сегодня, вероятно, уже бесследно исчезли. А если, ко всему прочему, учитывать еще и то, что пятьсот видов алкалоидных растений, найденных Массажетовым на казахской земле, вошли в золотую сокровищницу медицинской науки, то значение его подвига, совершенного в начале прошлого века, переоценить очень трудно, и оно, кажется, с течением времени становится еще более весомым.

Человек, прочитавший произведения Массажетова (да, мы смело можем утверждать, что это не только научные труды, но и художественные произведения), испытывает такое впечатление, как будто бы вновь оказывается в своем далеком детстве и, блаженно нежась под ослепительными лучами солнца, бегает босой по зеленому густому лугу, или же оказывается во времена своей неповторимо яркой юности.

Каждый из героев Массажетова, прогретых жаром ослепительно сияющего солнца, опьяненных множеством захватывающе интересных явлений природы и живущих в особенном мире, заполненном тысячами и тысячами растений, стоит на голову выше над обыденной серостью бытия. Глядя на то, как они, несмотря на доходящую порой до изнеможения усталость, вызванную тяжким бременем забот, ежедневной борьбой за существование, при всем этом продолжают жить как истинные дети природы, преисполненные достойной восхищения удивительной жадой жизни, не предаваясь ни унынию, ни отчаянию, невольно приходишь к выводу, что всю эту энергию они черпают от окружающей их среды.

Во время своего удивительного путешествия ученый не только знакомится с созданиями таинственной природы – растениями и их собственным миром, но постепенно и сам становится человеком, проявляющим истинную и трепетную заботу об окружающей среде, и тем самым возвышается над всем суетным и мелочным.

Вот так. В последнее время я находился в каком-то угнетенном состоянии, вызванном непосильной тяжестью переходного периода. Что ж, с этой же минуты немедленно начну готовиться к путешествию-поездке. В тот же миг принял окончательное решение. Я должен во что бы то ни стало собраться с силами, хорошенько взбодриться и последовать по тому же маршруту, по которому прошел Массажетов. Поэтому моя командировка, так же, как и его одиночная экспедиция, будет называться «Путешествие в мир растений».

* * *

Вначале надо было определить маршрут своего путешествия. В Горном Алтае с избытком хватает уголков с прекрасной природой и населенных пунктов, имеющих свою богатую, глубокую историю. Из них я выбрал место, где река Чара впадает в Иртыш. Во-первых, оттуда до Усть-Каменогорска рукой подать. Во-вторых, совсем неподалеку от устья Чары есть паромная переправа через Иртыш. Мне надо обязательно попасть туда, сесть на паром и переправиться на другой берег, чтобы самому испытать те же ощущения и то же состояние ученого-путешественника, который в свое время побывал там и переплавлялся на пароме через реку. Вот так.

«И сегодня день ясный, Солнце даже припекает. К паромной переправе мы успели как раз вовремя, и вышло очень удачно: мою верткую и легкую повозку взяли вне очереди, и паром-“самолет”, движущийся силой течения реки, при заходящем в мареве солнце перебросил нас на левый берег Иртыша...»

Это пишет, конечно же, Массажетов. Далее путешественник рассказывает о том, как переночевал на противоположном берегу и беседовал с казаками и староверами у костра. Парома-«самолета» уже не было и в помине, но небольшой паром, пришвартованный к катеру, без очереди перевез нас и нашу легковушку на тот берег реки.

И мои впечатления от того дня, и путевые заметки Массажетова вряд ли вызовут особый интерес у читателей. Потому что в тот день мы прибыли в село Соловьево, расположенное на правом берегу Иртыша. Ничего примечательного здесь не увидели, единственным запомнившимся нам зрелищем стал снос заброшенных многоэтажных домов, оставшихся здесь еще с советской эпохи, трактором. Ближе к вечеру мы решили переночевать в построенной еще в допотопные времена гостинице с обшарпанными стенами и потолком, имевшейся на наше счастье в этом полузаброшенном селе. Перед сном я, как обычно по своей старой привычке, принялся перелистывать взятые с собой книги. Да, сильный духом человек. Ученый этот пришел в науку с основательной подготовкой. Наблюдательный, острый на глаз разведчик. Но самое главное... да, самое главное, поражает его бескорыстная, самоотверженная любовь к миру растений.

Из книги Массажетова:

«Да, уж если чему и следует поклоняться, то растению, от него человек черпает всё необходимое для жизни. Больше того, человек – детище растения, растение создало все населяющее Землю и самого человека. Того не замечая, мы, атеисты, поклоняемся растениям, преклоняемся перед их красотой, не можем отказаться от ритуала жертвоприношения – приносим в жертву цветы, даря их близким и любимым в дни радости и в дни траура...»

Какую же возвышенную душу должен иметь человек, написавший подобные слова!

Да, в своей жизни раб божий – «гомо сапиенс» не может отказаться от присущей ему извечной традиции «жертвоприношения». Дорогой читатель, читая эти строки, вы, наверное, сами заметили, какие сомнения одолевали ученого, вопрошавшего: «Почему?» у противников естественного отбора в пятидесятые-семидесятые годы прошлого века.

По прошествии времени я, благодаря чтению книги Питирима Сергеевича Массажетова, не только познакомился с таинственной природой степных растений, но и в достаточной мере смог понять внутренний мир детей степи, свято чтивших мир этих самых растений. Если мы смогли бы взглянуть глазами детей степи...

«...А на соседних лужайках весна: цветут незабудки, примулы-первоцветы, они там внизу, в степи, давно отцвели, высохли, и встреча с ними вызывает такое чувство, как будто вернулись утраченные надежды. Здесь целый набор самых изящных по форме, нежных по окраске, аромату растений: белозор, желтый альпийский мак и очаровательные розетки высокогорного девясила – расставленные на лугу зеленые блюда, расписанные внутри желтыми цветами. А чистая заросль лаготиса – как ткань необычайного благородства рисунка и расцветки: и зелень листьев, и розоватая голубизна цветов приглушены; они, не соперничая, дополняют друг друга в своем цветовом дуэте».

О Боже, если бы жизнь мира бесчисленных растений, мирно и гармонично сосуществующих друг с другом на крохотном клочке земли бок о бок, могла стать примером для несчастных людей, которые в своей короткой, длинной, с рукоятки камчи жизни преследуют лишь свои собственные никчемные корыстные интересы и не видят ничего дальше собственного носа!..

«...По его берегам, омываемые ледяной водой, растут котиледон, альпийская кровохлебка, а у камней притаилась скромно красивая кортуза с кистями поник-

ших розово-фиолетовых цветов-колокольчиков. Ее округлые листья с сюрпризом: они обладают тонким, свежим фиалковым запахом. На мочажинах – стройная белоцветная шверция и маленькая с белыми цветками-звездочками парнассия-белозор, а на широкой луговине разбросаны розетки бесстебельных растений – девясила и татарника, который и здесь не сбросил своего колючего оружия. На более сухих местах, дальше от ручья, среди разнотравья, познакомился с маленьким скромным аконитом круглолистным».

Да, он пишет «познакомился», а не «встретил» или «увидел». Читая эти строки, легшие на бумагу из-под пера не только сведущего ученого, но и образно мыслящего художника, невольно чувствуешь учащенное биение сердца человека, всей душой влюбленного в природу, и искренне веришь в то, что он именно познакомился с аконитом круглолистным и, как с живым существом, вел неспешную беседу с цветочками верблюжьей колючки.

Нос мой улавливает слегка кисловатый аромат мяты, до ушей доносится приятное жужжание пчелы, перелетающей с цветка на цветок. Вечно молодой, вечно новый мир природы берет тебя в свои объятия и убаюкивает, унося тебя в бездонную тишину волшебного мира.

После того удивительного путешествия Питирима Сергеевича пролетело-промчалось вот уже семьдесят восемь лет. Никто не может сказать, сколько же с тех пор сохранилось и сколько исчезло благотворных, заботливых трав, согревавших сердце отправившегося в длительное путешествие молодого человека. Мой дядя Сафи, всей душой любящий растения, сейчас превратился в одного из степенных и почтенных аксакалов нашего аула. И я, вспоминая о нем, иногда думаю, что он, может быть, всё так же водит загорелых и босоногих, похожих на тебя и на меня пацанят к озеру Калганколь и проводит там с ними свои уроки ботаники. Вот уже прошло около двадцати лет, как я, впервые прочитав заметки Массажетова, заболел неизлечимой болезнью неистребимой увлеченности растениями. С тех пор, да, именно с тех самых пор мою голову ни на миг не покидала мысль о том, чтобы пройти маршрутами, по которым прошел этот отчаянный путешественник, и чтобы испытать те же удивительные впечатления, которые ощущал во время своего путешествия этот беззаветно влюбленный в природу человек.

Мир этот, находясь в постоянном непрерывном движении, меняется, а вместе с ним меняется и казахская степь с ее миром растений, и, возможно, будет меняться и впредь. Если учесть, что на территории Казахстана произрастает свыше шести тысяч видов растений, то ежегодно десятки из них исчезают навсегда. Те, кто полон тревожных сомнений, не без оснований опасаются: а не останемся ли мы в один из дней тет-а-тет с превратившейся в сплошной такыр абсолютно голой природой?!

Всё течет, всё меняется. Меняется природа, а вместе с ней не только ее первотворения – растения, но и сознание людей. Не стало ли в последнее время очерствевшее душой, переставшее видеть мир в истинном, подлинном свете и потерявшее тягу к его познанию и восприятию человечество забывать тропу, ведущую к родственному ему миру растений?!

Из всего сказанного следует один-единственный вывод: я ни за что не откажусь от мысли пройти по той дороге, по которой семьдесят восемь лет назад прошел Массажетов...

Первая глава БЛАГОТВОРНЫЕ ТРАВЫ АЛТАЯ

Настал конец двадцатого века. Точнее говоря, конец второго тысячелетия, вот-вот грядет новое. Тем временем не могу преодолеть горные перевалы Алтая и следую вдоль берегов Иртыша.

Начальник Восточно-Казахстанской областной станции защиты растений Аскар Уахидов внимательно выслушал меня от начала и до конца и первым делом высказал свои сомнения по поводу моей затеи.

– Путешествие, разумеется, дело нужное, но разве настолько велика необходимость объездить пол-Казахстана ради того, чтобы описать каких-то два десятка видов растений? Наверняка на всем земном шаре уж точно не осталось ни одного растения, не исследованного наукой... В нашем учреждении полным-полно стариков, отлично знающих подноготную чуть ли не всех растений... Стоит мне только их озадачить, как они за неделю соберут вам множество разных растений и, если понадобится, то соберут сведения о местах их произрастания и дадут их подробные описания...

Здесь я вдруг интуитивно почувствовал, что в этой ситуации меня может выручить только Питирим Сергеевич. Сейчас и мой спаситель, и мой будущий проводник – только сам Массажетов, а говоря точнее, черная папка, зажатая у меня под мышкой. Я быстро вытащил из ее пухлого чрева оберегаемую мною как зеница ока, старую, потрепанную от времени белую книжечку и показал ее своему собеседнику.

– Вы ведь ботаник, Асеке... Эта книга написана семьдесят восемь лет назад. В ней перечислены около пятисот названий растений. Вы бы смогли мне ответить, сколько из них сохранилось на нашей земле?

– Ну, еще лет десять назад, конечно, можно было ответить... Но ведь сейчас «не до жиру – быть бы живу», не так ли?..

Для того чтобы окончательно дожать Асеке, я, не задумываясь, открыл наугад первую же попавшуюся страницу и начал читать:

«Изба тесная. У печи хлопочет молодая хозяйка; а пожилая, видимо, мать ее, в подоле перебирает сухие листья. Знакомые листья костяники. Это излюбленное здешнее лекарственное средство – “измоден”. Женщина некоторые листья отбрасывает. Она говорит мне:

– Знаешь, почему их бросаю? Вижу, знаешь. Да не всё...

На экзамене у старухи я срезался. Оказывается, только покрытые ржавчинным грибок листья костяники и есть “измоден”, а все прочие – просто трава. Замечательно удачно начался день. Точнее, подробнее необходимо спрашивать и описывать, знакомясь с народными средствами.

Может быть, тот “измоден”, что я везу с собой, надо просто выбросить? Так что оплошал, а рад, будто нашел!..»

– Это пишет московский академик. А вы хотите поручить это первому попавшемуся вам на глаза агроному...

Похоже, фраза «московский академик» его весьма впечатлила.

– С этого бы и начинали, Секе!.. Если я вас правильно понял, вам, оказывается, нужны лекарственные травы... Ну, в таком случае вам надо туда, в сторону Катона... да, в сторону Катона...

Асеке задумался на миг, а затем тут же потянулся к телефону. После того как наскоро переговорил с администрацией села Большенарымское¹, вытащил из ящика в столе лист бумаги и стал что-то писать на нём.

– Здесь всё написано... – сказал он, а затем степенным голосом продолжил: – Из всех знакомых мне стариков в этих краях лучше всех в лечебных травах разбирается Шерияздан аксакал. Транспортom и питанием обеспечат тамошние джигиты.

Мы оба обрадовались, что проблема нашла такое простое решение. Особенно заметно читалось это чувство в глазах моего собеседника, избавившегося наконец-то от такого назойливого, внезапно свалившегося ему на голову и прицепившегося словно вьюн незваного гостя, как я. Слава Богу, если все будет в порядке, то завтра выеду в Большенарымское. А там уже рукой подать до заветной цели – Катон-Карагая.

На обратном пути я всю дорогу в душе испытывал восторг от того, что мне удалось так запросто уговорить начальника станции, который уже в начале нашей встречи сразу же хотел отделаться от меня. Ну кто я такой перед ним, имеющим вес в масштабах области, но несмотря на это, перед авторитетом и славой московского академика с мировым именем он устоять не смог. К счастью, я не проговорился о том, что этого академика нет в живых уже более четверти века. Что бы там ни было, но известный и прославленный на весь мир ученый ради того, чтобы узнать о благотворном воздействии трав, прислушался к мнению кейуаны – простой почтенной старой женщины из глухого казахского аула. Или же это своего рода художественный прием, придуманный ученым с таким большим сердцем с целью показать мудрость, нет, даже гениальность народной медицины?..

Но ведь в то время, когда Питирим Сергеевич приехал на казахскую землю, он был совсем еще молодым человеком – чуть больше двадцати лет от роду, никому тогда не известным, только начинающим в науке ученым. Читая записи Массажетова, убеждаешься в том, что его становление в ботанике, а также истоки его научных изысканий, равно как и духовных устремлений, следует искать именно здесь. Как будто степняки – эти истинные дети природы, обладающие даром понимать ее, научили его чудесному языку царства растений и открыли его удивительные тайны. И тут внезапно меня посетила мысль: а ведь что говорить о молодом, едва лишь перешагнувшем порог своего двадцатилетия, родившемся и выросшем в городе человеке, если даже и я, проживший почти полжизни, родившийся и выросший в ауле, не могу отличить одну траву от другой.

То, что путешествие мое начинается с Горного Алтая, а в нем именно с Катонкарагая с его легендарным миром растений, я посчитал хорошим для себя предзнаменованием. Ну, как говорится, с Богом в путь-дорожку, наверняка и меня у подножья этих величественных гор будет ожидать удача...

Растения указывают путь

1

При выезде из Большенарыма дорога идёт на подъем и при подъезде к Катонкарагаю пролегает далее по широкой равнине, окруженной со всех сторон горами. После того как миновали перевал Белькарагай, спустились вниз по склону уже по извилистой двухколейной грунтовой дороге. Вот и зимовье Атамекен². Аул

¹ С 2009 года Улкен Нарын.

² «Атамекен» в переводе с казахского означает «земля отцов», «отчизна», «родной край».

со столь громким названием находился в глубине труднопроходимого ущелья и состоял из одной-единственной низенькой, осевшей от времени лачуги да длинного-предлинного старого сарая для скота.

Хотя это местечко производило удручающее впечатление, но в душе я утешал себя мыслью о том, что разыскиваемый мною загадочный человек и должен, по сути, жить один-одинешенек, обособленно от всех, в единственном доме и в такой невообразимой глуши. Почва под ногами оказалась заболоченной. При приближении к зимовью количество родничков, с бульканьем вытекавших из-под земли, становилось всё больше и больше. С одной стороны нас окружало узкое, густо поросшее соснами ущелье. С другой стороны раздольно раскинулся луг со свежескошенной травой. Сразу было видно, что это богатое зимовье с избытком воды и густым травостоем принадлежит человеку, явно съевшему пуд соли в животноводстве.

Внезапно из сосновой чащи резко выскочил кто-то верхом на коне и стал приближаться к нам. Преклонных лет смуглолицый старик с бородкой клинышком, чинно восседавший на игреневом жеребце с корпусом невероятной длины за руку поздоровался с моим спутником Болатом – районным представителем областного отдела защиты растений, а затем посмотрел на меня и в знак приветствия шевельнул уголками губ.

Мне показалось, что я где-то уже видел этого старика, столь горделиво восседавшего на коне и при разговоре мешавшего казахские и русские слова. Внешне он был похож на арсеньевского Дерсу Узала... Или же всё-таки чем-то смахивал на писателя Калихана Искака?..

Последовав за смуглым стариканом, пустившим своего игреневого жеребца легкой рысью, подошли к зимовью. За чаем я ему между делом вкратце и вскользь изложил о своем несправном интересе к травам.

– Какие травы?.. Какие лекарства?.. Вы обратились явно не к тому, к кому хотели. Я ведь всего лишь старый дорожник...

Болат, как старый знакомый, зная о своенравном характере смуглого старика, решил опередить его.

– Наш Шаке – на все руки мастер... Он в одном лице и дорожник, и актер, и фермер... Не случайно в свое время возглавлял районный профсоюз сельского хозяйства...

Разве кому-то хвала не по нраву; от волнения на лбу у упряма старика даже капельки пота выступили.

– Наверное, смотрел фильм «Сайтан копи¹»? – обратился он ко мне, вытирая свой лоб большим, как полотенце, платком. – Так вот, ваш покорный слуга играл там бандита.

– Да сдалось вам это кино... Не лучше ли поговорить о травах? – встрял в наш диалог Болат.

– Да какие там травы?.. Когда сидишь один в безлюдной глуши в пустом доме, без коньяка или водки, остается одно: пить травяной шарап², приготовленный из корней девясила...

Если я хоть что-нибудь смыслю, похоже, старик тот еще хитрец, на мякине его не поведешь. «Кто намеков не понимает – тот ничего не соображает», я тут

¹ «Чертов мост».

² Вино, но в данном контексте крепкий алкогольный напиток.

же повернулся к нашему водителю и подмигнул ему. Аульный плутишка, всё это время вопросительно смотревший в мою сторону, одной ногой был там, а другой уже здесь.

После того как все выпили по стопочке, я решил разговорить немного повеселевшего почтенного старца – карию.

– Вы уже попробовали на вкус наш «Адилъ», а не попробовать ли нам вашего шарапа?

– Какой-такой шарап?..

– Я говорю про напиток из карандыза...

– Карандыз, говоришь?.. Откуда ты знаешь про карандыз?

– Вина ведь мы в своей жизни попили вдоволь... Лучше расскажите, как готовится шарап из карандыза?

– Берег, понимаешь ли, как зеницу ока, так разве от вас отвяжешься... – кария вытер платком вспотевший лоб. – Как бы это тебе растолковать?.. Об этом известно ужен давно. Как там русские говорят: «Новое – хорошо забытое старое»... Ну, тогда слушай...

Разговаривая на ходу, мы прошли в зал. На стене, отделанной сосновой вагонкой, висело множество пучков степных трав. Кария выбрал из рассыпанных на полу трав толщиной с большой палец темно-серые корни и поднес их к моим глазам.

– Узнал? Если узнал, то вначале вот эти корни девясила надо мелко порезать и положить сушиться в тенечке... затем добавляешь их в чистый виноградный сок, а если под рукой такого сока нет, то насыпаешь их в самогон и кипятишь. После того как прокипятишь один раз, даешь этому вареву остыть и кипятишь по новой. Это и называется шарапом из девясила. Получается настоящее лекарство: с астмой и ангиной справляется только так. К тому же, он обладает свойством придавать мужскую силу, если чрезмерно утомлен и с потенцией не всё в порядке...

– Совсем простой рецепт, оказывается, ведь чего много растет вдоль дороги, так это карандыза... Остается лишь выкопать корни и пей настойку из него, сколько душа твоя пожелает!

– Так оно и есть... Лишь бы не связался с такими, как Болат... Одно время этот шарап был каждодневным напитком братьев-кержаков... Потом о нем забыли... В общем, карандыз по-русски «девясил», то есть придающий человеку девять сил. На самом деле сильное растение. Если не соблюдать меры, то запросто можешь умереть...

– Шаке, то, что вы истинный лекарь – оспаривать не стану, а вот с какого боку вы ещё дорожник и актер?

– Ты не смотри, что я с виду такой простой – не на того нарвался, бала. Видать, ненароком принял меня за какого-нибудь темного и недалекого старикашку, а? Я здесь двадцать пять лет работал начальником дорожно-эксплуатационного участка. Большая часть дороги от Катона до Аршаты построена под моим началом, милоч... За кого это вы меня принимаете...

– Я ведь говорил, что этот человек снимался в главной роли в «Сайтан копире» Оралхана Бокея... – сказал Болат, пытаясь успокоить старика.

– О какой ты там главной роли втираешь?.. Нам разве дадут какую-нибудь другую роль, кроме роли бандита?!

Когда речь косвенно коснулась моста, в глазах кариин внезапно пробежала искорка.

– Да, давненько я не ездил в Аршаты... Надеюсь, этот самый «Чертов мост» всё еще стоит на том же месте?.. Там кое-что и моими руками сделано, – сказал он и разом смягчился. – Если съезжу с вами туда на денек, надеюсь, скотина моя тут не подохнет...

Не знаю как с «Арсеньевым», но проблема с «Дерсу Узалой» решилась очень просто.

2

– Ну и в какую мы сторону поедem: вниз или вверх? – спросил Шаке, садясь в машину.

– Без разницы в какую, лишь бы хорошенько чаем напоили...

– Чай по-казахски вы и так пьете. Наверное, лучше поехать туда, где больше медовухой потчуют...

Асфальтированная дорога, ровной лентой пролегшая прямо посреди равнины, прошла через березовую рощу и вновь вывела на широкую равнину. Чем ниже мы спускались, тем чаще среди редко росших березовых и сосновых чащ стали попадаться покосы, похожие на разноцветный шерстяной ковер. Красные. Зеленые. И все же среди густых зарослей мира растений преобладали зеленые тона.

– Если вы действительно настоящий писатель, то опишите, пожалуйста, этот пейзаж! – настойчиво попросил меня Болат.

– Зачем мне отбирать хлеб у Оралхана и Дидахмета¹... Ты лучше послушай вот это...

Вытащив из черной папки ту самую книгу, я нашел нужную страницу и начал читать:

«...Всё вокруг цветет: герань, незабудки, примулы, астры, змееголовники, вероника, скабиоза, колокольчики, очанка, лютики, мытники желтые, а на мочажинах мытник розовый с вихревым скрученным соцветием. Горечавки разных окрасок – от глубоко темно-синего до блекло-голубого, разных форм от мощной горечавки тьянь-шаньской до миниатюрных, едва заметных однолетних горечавок-пигмеев...»

– Это написал Оралхан Бокей? Или же Калихан-ага?²

– Нет. Это написал русский путешественник, который приезжал из Петербурга погостить в Катон-Карагай.

– Ты смотри, как здорово написано!..

Шаке, который сидел на заднем сиденье и всё это время перелистывал книгу «Лекарственные травы», чтобы расширить свои познания, вдруг встрепенулся.

– Вот вы всё твердите мне, что я, мол, травник. А я, оказывается, и половины из всех перечисленных только что трав не знаю... Что это еще за шерменгуль?

– Горечавка... А мытник – это «сакаушоп»...

– И что ты хочешь сказать, что забредший сюда твой русский аж из Петербурга прямо так и написал «шерменгуль»?

Чувствую, теперь настала моя очередь похвастаться.

– Да нет же... Это я его перевел на казахский...

– Знакомые, оказывается, травы... Ну, тогда проблем особых не будет.

¹ Писатель Дидахмет Ашимханулы.

² Писатель Калихан Исаков.

По голосу Шаке чувствовалось, что он искренне обрадовался этому.

После короткой паузы он продолжил:

– В русских названиях нет четкого смысла, а вот на казахском они говорят за себя сами.

Замечаю, что на русском языке Шаке разговаривает лучше, чем на казахском. По дороге я попытался выяснить, в чем причина, на что он, махнув рукой, ответил: «Какой там по-русски... У меня что-то посередине между кержацким и найманским говором...» Осознав свой недостаток, он всю дорогу вновь и вновь перелистывал толковый словарь лекарственных трав.

Конечно, в мчащейся по дороге машине не до обстоятельной беседы о происхождении названий растений. В противном случае можно было бы прочитать целую лекцию о том, что его основы берут свое начало именно с этого. Если не брать в расчет все остальное, то разве не могут такие растения, как «кеурек сасыр» – ферула и «дегелек», «кулынембес» и «аткутырткан», «ойраншёп» и «жындышёп», «жаманшёп» и «сайтаншёп», по смыслу своего названия поведать о себе кое-что человеку, осведомленному в языкознании?

Полотно дороги всё дальше углублялось в горное ущелье. В этом месте оно шло зигзагами. Я, наверное, уже тысячу раз повторил про себя песню о дороге, петляющей среди гор, но которую не следует сравнивать за это со змеей. Но, оказывается, это петляла не горная дорога, а Бухтарма, как будто эта протекающая по ущелью шаловливая река сама указывала нам кратчайший путь.

Несмотря на знойный июльский день, от гор повеяло прохладой. И всё вокруг, даже парящие в небе молочно-белые облака, казалось, обрело неприветливо-суровый облик. Высоченные кедры и лиственницы, растущие на насыщенных влагой горных склонах, всем своим видом как бы выражали спесивую надменность и высокомерие. Как же после этого язык повернется сравнивать бурную своенравную Бухтарму с извивающейся змеей...

Когда я поделился этой мыслью с Шаке, то его снова охватил приступ излишней словоохотливости, и он стал рассказывать про горные дороги и Бухтарму.

– Возможно, название Бухтарма происходит из-за своенравного характера этой реки; она как бы загоняет себя сама куда-то и тут же, отпрянув в сторону, отгоняет себя оттуда, поэтому она полна извивов. На Алтае много мест, одно название которых приводит человека в ужас. Вот это место казахи называют «Тупик». Очень уж забавная у него история...

Тут он усмехнулся и продолжил свой рассказ дальше:

– В этом месте проживал один из предков нашего Болат. Как-то он женит своего совершеннолетнего сына. Спустя месяц одна из хитрых снох молодожена заметила, что невестка еще осталась целомудренной. И тогда она решила выпытать у своего деверька, в чем же тут дело. А тот лишь посмеялся и ответил: «Да, закупорено у нее там всё, тупик, одним словом». Вот с тех пор за этим местом и осталось это название.

– Ну что вы выдумываете, Шаке... – возразил, покраснев от смущения, Болат. – Ведь разве слово «битеу» по-русски не означает «тупик»?.. А назвали так, потому что дорога здесь всю зиму завалена снегом так сильно, что само по себе тупик.

– Какие места бывают закупорены, а какие нет, скорее всего, об этом хорошо знают братья кержаки. Если заглянете к ним в тупик, то дети в этом селе все до единого похожи друг на друга, как две капли воды, словно с одного конвейера

сошли, ну до чего же они все на одно лицо... Это я ведь так, в шутку сказал... А на самом деле история, связанная с Бітеу, совсем другая, – заговорил после короткого молчания Шаке. – Так что послушайте-ка, ребята... Одно время в этих густых катонкарагайских лесах в большом количестве рос адамтамыр, то есть женьшень. Обычно он растет в хвойно-лиственных лесах, где кедр соседствует с лиственницей, а пихты и сайтаншөпа – чертовой травы пуще смерти боится. Об этом его свойстве хорошо было известно сборщикам корней. Они держали в строжайшей тайне те потаенные уголки, где рос адамтамыр, и с умыслом окрестили их «тупиками», чтобы отпугнуть других, излишне любопытных любителей легкой наживы. А когда они сами искали чудо-растение, которое весьма редко попадает в поле зрения посторонних людей, то в первую очередь обращали внимание на название местности и, обстоятельно изучив мир встречающихся там часто растений, определяли по ним свои точные маршруты. Одним словом, знающим людям растения указывают путь...

Хотя я и раньше знал, что у казахов-кочевников издавна практиковалось умение прокладывать себе путь в нужном направлении, ориентируясь по названию той или иной местности, по направлению течения рек, но сказанные только что слова Шаке показали мне какими-то захватывающе интересными и диковинными. Теперь ход разговора перешел от названий растений к тому, как, наблюдая за их расположением, можно найти верный путь и нужное направление.

Предки наши находили верные тропы, ориентируясь по росшим вокруг растениям, и отличное знание их удивительных свойств помогало им выживать. Один из таких случаев, происшедших на границе Казахстана и Узбекистана, и описал Массagetов.

А дело происходило так. Когда ближе к осени узбекские перекупщики перегоняли скот из Сарыарки в Ташкент, они попутно подешевле скупали баранов у казахов, что в конечном счете обошлось им вдвое дороже, потому что весь этот мелкий оголодавший скот, после бедных травами горных гряд Каратау выйдя на равнину, сразу же с жадностью набросился пожирать росшие на пути сочные кусты итсигека – анабазиса, отчего чуть ли не поголовно пал от него. А казахи, живущие у подножья гор, обходя заросли ядовитого итсигека, словно лощманы, благополучно прогоняли бесчисленные отары овец по тайным тропам, известным только им самим. И уже на месте всегда имели довольно хороший заработок, на который покупали все необходимые для себя товары, в то время как скупые торговцы, пытаясь сэкономить деньги, сами занялись перегонном овец и, напорвшись на заросли итсигека, остались ни с чем.

Именно во время своего путешествия Массagetов и постиг опыт нахождения безопасного пути, ориентируясь по растениям.

«...Мы взобрались на плоскую крышу. Вдали на юге освещенная солнцем горная гряда – это хребет Арганаты. Прямо ехать нельзя – там пески для телеги-арбы непроходимы. Но сначала надо пересечь полосу солончаков и, доехав до саксальника, взять влево: чем левее я возьму, тем легче будет преодолеть пески. Жаль, что у него, Жангожи, нет коня, он показал бы дорогу. Я спросил его о кокпеке.

– Кто сказал, то правильно сказал! Кокпек есть – дорога есть! Лучше объехать дальше, чем лезть туда, где нет кокпека. Ты кокпек знаешь? Пойдем, покажу.

Невзрачное, серое, жесткое маленькое растение – я уже встречал его и даже догадывался, что это и есть кокпек.

Столбы пошли прямо через пески, а мы повернули влево на голую равнину. В дождь мы бы увязли здесь безнадежно. И сейчас непросохшие такыры и вспухшие, белесые, как припудренные, солончаки притаились, ждут нашей оплошности, чтоб схватить, засосать и не выпустить. Но вот уже совсем близко темная полоса кустарника – и конец солончакам. Здесь, думаю я с облегчением, уж можно и пренебречь кокпеком, здесь уж должны кончиться солончаковые западни!

Однако Гнедой почему-то всхрапнул, попятился. Я соскочил с повозки, забежал вперед, чтобы взять под уздцы заупрямившегося коня, и... увяз в предательской, присыпанной песком топи. Нет, больше не буду рисковать! Ехать буду только там, где растет кокпек!..»

Ученый-путешественник в своих записях отмечал, что перенял у казахов умение находить удобный для себя путь, используя особые свойства растений, которые и служили для них указателем. Ориентиром на незнакомой местности степнякам служили их практические знания о том, какие растения и на каких почвах наиболее приспособлены к жизни. Поэтому для них не составляло большого труда определять свой дальнейший путь не только по рельефу местности, по встречавшимся по дороге холмам и бугоркам, рекам и озерам, но и по попадавшимся на глаза растениям.

В эпоху выживания людей в условиях сурового кочевого быта предки наши, проводившие в пути полжизни, держась руками за гриву коня или же за горб верблюда, каждый шаг свой соизмеряли с состоянием и условиями жизни своего скота. В песчаных пустынях, где росли верблюжья колючка и чингиль, в качестве транспортного средства им служили верблюды, а в ковыльных степях, где густо рос также и пырей – кони. Очевидно, что в древние времена, когда начали прокладывать первые тропинки-дорожки караванных путей, учитывалось и наличие тех видов растений, которые были необходимы для верховых или вьючных животных. Одним словом, кочевой народ, начинавший свое приветствие со слов «мал, жан аман ба?»), что значит, «цел ли скот и люди», следовал за своим скотом, а скот следовал за травами. Вот так казахи, думавшие о целостности и сохранности своего скота, вынуждены были основательно изучить мир растений.

В старину говаривали так: «Мясо какого животного съешь, в то животное и обратишься». Уж что-что, а питание наших предков, дававших всем сто очков вперед в поедании мяса, напрямую зависело от периода созревания растений. Традиция есть верблюжатину и козлятину в осенние месяцы, когда начинают осыпаться зерна верблюжьей колючки и чингиля, а в весенние, когда побеги курака¹ набирают жизненные соки – мясо крупного рогатого скота, является результатом народной мудрости, закономерным итогом жизненного опыта. То, что дойных кобылиц в период приготовления кумыса с мая по октябрь держали на привязи на расчищенном месте возле аула и пускали пастись стреноженными подальше от мест, где произрастала трава «кулынембес», а дойных коров выпасали подальше от тех пастбищ, где произрастали травы с резким вонючим запахом, также было вызвано хозяйственной необходимостью.

На бескрайних просторах казахской степи некогда существовало такое занятие, как «погонщик скота». Они, как позже и ковбои на равнинах Северной Америки, и гаучо в южноамериканских пампасах, оставили свой заметный след в великой кочевой культуре. Они, безошибочно находившие дорогу в непроглядном мраке

¹ Курак – молодые всходы камышовых зарослей.

безлунных ночей, также хорошо были весьма сведущи в природных свойствах множества степных трав.

Между Ташанты в далеких от нас местах Горного Алтая в Монголии вплоть до нашего Семипалатинска пролегли старинные тропы, по которым перегоняли скот. Самые их труднопроходимые участки проходили через Катон-Карагай. Вот уже около десяти-пятнадцати лет, как на этих ныне полузаросших, едва приметных глазу тропах не оставляют следы своих копыт крупный и мелкий рогатый скот и лошади. И сейчас мы не без оснований опасаемся, что молодое поколение, предки которого с незапамятных времен пасли домашний скот, в один прекрасный день вместе с этим занятием навсегда забудет и народную науку познания мира растений. К сожалению, в те годы, когда сородичи наши стали возвращаться на свою историческую родину, соотечественникам, живущим в Монголии, не разрешили забирать с собой в Казахстан свой личный скот. Эх, ширкин-ай¹, если бы было дано разрешение, то наверняка эти древние, заросшие травами и ставшие едва заметными от времени тропы, связывающие через этот перевал северный Алтай с южным, были бы протоптаны следами многочисленных стад скота...

Хотя я вырос не на Алтае, это для меня тоже заветная мечта. И как же тут не разрываться сердцу Шаймердена-коке, который сокрушается о том, что давно уже не может попасть к своим родственникам в Ташанте и Косагаше, даже в царское время относившихся к Шынгыстайской волости и до которых рукой подать от перевала Шындыкатай, куда мы сейчас и едем...

Шаке долго-до-олго всматривался задумчивым взглядом в темневшее вдаль узкое горное ущелье. Затем прочистил горло, как он это делал по привычке, прежде чем что-то сказать.

– Шаке, я весь внимание, – сказал ему, улыбаясь, Болат.

– Ну, что мне говорить?

– Говорите... Секе свой человек, – ответил Болат, кивнув головой в мою сторону.

– Во-он через то горное ущелье на ту сторону ведет старая тропа. На сегодня она отошла к русским... Но и наши братья, переехавшие сюда из Монголии, тоже не лыком шиты... Приезжают сюда аж из самого Устькамана. Затем прячутся в теснине на этой стороне ущелья и ждут. Ближе к ночи, когда уже сгущаются сумерки, с той стороны прибегают лошади. Удальцы и гонят весь косяк своими потаенными тропами аж до Устькамана...

– Да уж до Устькамана? Так ведь туда...

– Да, догуда, почитай, четыреста километров... ну и что с того, переночуют где-нибудь под открытым небом раза два или три – и уже на месте... и мясо на согым готово... а что здесь такого, по местам этим совсем еще недавно деды его скот перегоняли, земля-то своя... ничего в том предосудительного не вижу, своя ведь скотина...

Речь здесь, похоже, идет о самой настоящей контрабанде, что ли?.. Ну а что, если и о контрабанде? На той стороне одна лошадь стоит двести долларов... А на этой свыше пятисот... И что теперь, казахи, живущие по ту сторону и без того пресытившиеся казы-картой, должны теперь отказываться от такого хорошего куша?

Да, та сторона Алтая, эта сторона Алтая. Мало того, что существует Торь Алтай и Горный Алтай, да вдобавок к нему есть еще и Рудный Алтай. Ох, время, время, времечко, разделило оно его между разными странами!

¹ Усилительное производное от междометия «ширкин», выражающее в зависимости от смысла контекста чувства восторга, удовлетворения, пожелания или сожаления.

Ближе к обеду, пройдя через аул Аршаты, мы направились к вершине горы Шындыкатай. Когда приблизились к «Сайтан копиру» – «Чертову мосту», раскинувшемуся над бурной, бешено бурлящей и клокочущей горной речкой, то наш проводник-вожатый заставил нас, супротив нашей воли, выйти из машины. Мы спустились вниз прямо вплотную к воде и, омывшись-ополоснувшись ледниковой водой, почувствовали себя немного бодрее.

– Вы знаете, почему этот мост назвали «Сайтан копиру»?.. Они недолговечные: сегодня есть, а завтра их нет. «Чертовыми» их называют по одной лишь причине: каждый год по весне их смывают-сокрушают паводковые воды, – сказал нам Болат, когда мы поднимались наверх.

– В прежние времена местные жители держали в строгой тайне от чужаков, перегонявших скот через эти места, броды через горные реки. За то, чтобы благополучно переправить скот на другой берег, взимали плату, – добавил Шаке к уже сказанным Болатом словам.

Наша машина, переваливаясь с боку на бок, с трудом проехала через выстланный толстыми бревнами наспех сколоченный мост. Наш разговор, прерванный из-за канители с «Сайтан копиром», был продолжен дальше и снова зашел о дороге.

– Как старый дорожник, я кое-что смыслю в этом. Обычно, когда родники и реки берут свое начало с перевалов и ущелий, то и горные дороги проходят через удобные места, – сказал Шаке. – Трасса, по которой мы сейчас едем, была проложена по тропе, с незапамятных времен служившей для перегона скота. До недавних пор по этой дороге из Монголии, что находится на той стороне, гнали скот на убой в мясокомбинат Семея. Бесчисленные отары овец поднимали тучи пыли и подчистую сметали, пожирая, всю окрестную растительность. А здешние жители, зная о приближении скота к своим аулам, заранее рыли для них ямы, которые искусно маскировали, прикрыв сверху ветками трав. Собственными глазами видел людей, которые по краям этой тропы устраивали эти ловушки. Упавшие в такие ямы овцы становились их желанной добычей, воспринимаемой местным населением как компенсация за причиненный природе и местным жителям ущерб...

Я оглядываюсь назад, туда, где уже смутно виднеется перевал Аршаты. Далее за ним лежат Орель и Берель. С этого места не видно горы Музтау¹, прозванной золотой короной Алтая. Загадочный край, скрывающий свои еще нераскрытые тайны... Как жаль, что Массажетов, наспех проехавший во время своего первого путешествия через Алтай и вскользь исследовавший его, недолго побывал на крайнем востоке казахских земель – в Катон-Карагае! Разве этот уголок, даже если не брать в счет густые массивы черемухи и облепихи, где в изобилии растет золотой корень – «алтын тамыр» и олений корень – «марал тамыр», а на покрытых мхом и лишайниками зреет мумие, не является ботаническим садом множества редких на сегодняшний день растений?

Катон-Карагай связывает Казахстан с российскими Горным Алтаем и Косагашским районом, а также с Баян-Ульгийским аймаком Монголии. По этим древним тропам, пролежавшим через подножье знаменитой горы Музтау, казахи еще с незапамятных времен прогоняли бесчисленные отары овец и табуны лошадей. А катонкарагайцы занимались в проводники к этим самым перегонщикам скота и

¹ Казахское название горы Белуха.

этим зарабатывали себе на жизнь. Им, хорошо знавшим местность и безопасные, удобные тропы, в случае благополучного перегона домашней живности платили очень большие деньги.

Когда Массажетов проезжал мимо ущелий Горного Алтая, то сделал такую запись:

«Аксакал передал мне невзрачную, еще не цветущую травку. Я, оценивая обстановку, достал лупу, дольше, чем надо, внимательно изучал, рассматривал растение и заявил, что это мытник; растет на сырых местах, скот его не поедает, люди говорят, но это еще не проверено, что у лошадей, поедающих мытник, сходят копыта. В Сибири отваром травы мытника моют голову для удаления вшей, поэтому называют эту траву там вшивником или гнидником.

Хомяк перевел мое объяснение. Все молчали, из рук в руки передавая мытник, и каждый отрывал от него кусочек. Аксакал порылся в ворохе трав и передал мне как вопрос кустик – пучок типчака. Я ответил, что это лучшее кормовое растение, но лекарственное ли оно – не знаю. Все заворковали: правильно, правильно, и аксакал заулыбался, будто он только пошутил.

– А вот эта? – он подал мне еще не цветущую белену.

Затем через мои руки прошли пустырник, подорожник, тысячелистник – все хорошо мне известные. Но попадались растения, свойств которых я не знал. Тогда выступал сам аксакал, или старик, или кто-нибудь из присутствующих. А я записывал. В юрту входили новые люди, они скромно садились на корточках у двери, слушали, а иногда с одобрения аксакала вставляли свое слово. У додарции оказалось несколько названий; остановились на теке-сакал, значит, борода козла, а свойство, чего я не знал, – прекрасное послабляющее для старых людей.

В заключение мне была представлена трава еще не цветущая, но по характерным пальчато-рассеченным листьям я сразу узнал живокость. Я рассказал, что эту траву никакой скот не поедает, она очень ядовита. На Алтае ею уничтожают мух и называют мухомором; листья заваривают кипятком и жидкость подслащивают медом. Мухи мрут, едва попробуют это зелье.

– Ты это знал? – спросил аксакал старика.

– Про мух – не знал, а вот другое знаю. Из этой травы раньше, давно, варили такую ядовитую мазь. Когда стреляли из луков, мазью этой смазывали наконечники стрел, чтобы раненая дичь далеко не ушла.

Аксакал стал благодарить меня за приятную беседу: много полезного услышал от меня. Я отвечал: еду, чтобы поучиться у казахов; немало узнал здесь нового, чего нет в книгах, очень благодарен за гостеприимство».

Еще около десяти лет тому назад я делил растения на полезные и вредные, благотворные и неблаготворные. В пойме полноводной реки Сырдарья царит зной и много мошкары и гнуса. Поэтому вполне объяснимо, что растение, уничтожающее и отпугивающее мух, бесконечно и назойливо донимающих тебя днем, и комаров, всю ночь напролет сосущих твою кровь, является милосердным. Ну, а уже с возрастом убедился в том, что это наше травянистое растение «теке сакал» – додарция является действенным средством от запоров.

Не знаю как Питирим Сергеевич, но я лично как будто уже понимаю, почему алтайцы, шесть зимних месяцев живущие из-за снежного плена в полной изоляции от внешнего мира, рождаются талантливыми от природы.

Так пусть же живут и здравствуют благотворные травы!

Степняки, как и все кочевые народы, вся жизнь которых полностью зависит от капризов природы, поклоняются ей. Считая природу этих просторов своего рода книгой мудрости, они хорошо знали не только потайные пути, по которым направляли их растения, но и природные свойства каждого по отдельности растения, и знания эти они передавали своим потомкам через эти растения. Борьба за существование заставила их давать каждой местности и каждому растению очень точные, исчерпывающие названия. Они давали растениям, пагубным для организма человека и скота, такие названия: укоргасын, что означает свинцовый яд, жуа – ядовитый лук, ужапырак – ядовитый листочек, усойкы – несносный яд, ушылбыр – ядовитый чембур, утаспа – ядовитая тесьма, усасыр – ядовитая ферула, убидайк – ядовитый пырей, убалдырган – ядовитый дягиль или борщевик, угуль – ядовитый цветок, ушѐп – ядовитая трава, для того чтобы уберечь-предостеречь от них своих грядущих потомков.

Чтобы по надобности четко отличать ворсянку-кожакендырь от бояушѐпа-подмаренника, жумыршѐп от атиргуля, вывести бородавку именно суельшѐпом или помочь в потугах рожающей женщине обязательно толгакшѐпом, думаю, можно и нужно попутно выучить и казахский язык.

Кочевники, заботившиеся о своем скоте больше, чем о себе, хорошо запомнили свойства степных трав и знания о них бережно передавали своим потомкам. Они жили, строго учитывая времена года и связанные с ними потребности всех видов домашнего скота. В зависимости от срока созревания различных видов трав и растений они меняли пастбища, перекочевывая с места на место. Местом зимовья для себя и своего скота они определяли Кызылкумы и Каракумы, берега Сырдарьи, где зимы были теплее, чем в других местах, для весеннего окота выбирали пойму реки Сарысу и берега озера Теликоль, лето же проводили на просторах Сарыарки, и всегда при этом безошибочно находили верное направление, на которое им указывали растения. Ярким свидетельством тому служат многократно хоженные ими многочисленные тропы.

Действительно, наши предки следовали туда, где больше травы. Как писал мой друг поэт Танабай: «Пламенно-красный букет я обняв, бреду над тюльпановым оврагом». Люди шли за скотом, а скот – за травой. В результате в бескрайних степях, где прежде не ступала нога человека, стали появляться овечьи тропы. Со временем они обратились в самые настоящие дороги. Так возникли растянувшиеся по всей степи, как Млечный путь по всему небу, «Шелковые пути».

Предки наши находили дорогу, ориентируясь по растениям, обозначали неглубокие дернистые впадины в оврагах, где близко к поверхности протекали подземные воды. Вот как объяснил это явление Массажетов, когда проезжал по казахской земле.

«...Миновав предгорные холмы-прилавки, вошли в царство цветов. Здесь сейчас самая лучшая пора – начало лета; цветут почти все ярко-цветные растения – одни в разгаре, другие, более ранние, уже отцветают, а поздние начинают или только собираются цвести.

На каждое изменение рельефа, почвы, положение склона к солнцу по-своему отзываются растения. Вот сухой солнцепекий пологий склон – он занят розово-лиловыми зизифорой и чабрецом. А вот склон, слегка отвернувшийся от юра, и травы на нем выше, сочнее: синеют, розовеют душица, вероника, герань, горечав-

ки, белеют группы тысячелистника, а желтый цвет здесь представлен зверобоем, подмаренником весенним, люцерной, высоким джунгарским коровяком и девясиллом. Даже каменистые, казалось бы, бесплодные гривки заняты цветущими растениями желтой патринией и зелеными мясистыми розетками заячьей капусты».

Если верить Питириму Сергеевичу (а его путевые заметки, ставшие основой для написанной им уже упомянутой книги, лично я считаю самым правдивым источником), то наши предки, жившие в то время хорошо, прекрасно понимали язык природы, от лона которой они отходили не слишком далеко. Чутко внимая журчанию родника, разговаривали с шелестом белых берез, поверяли порывам ветерка свои чаяния, надежды и печали. Наука это объясняет влиянием их собственной природной интуиции и предчувствия. А как вы посмотрите на то, что сама природа обладает этим качеством?

«Беда в одиночку не ходит», – гласит русская поговорка, а казахи говорят: «У джута¹ семь братьев», что означает то же самое. Разве год бедствий и замора, сопровождающегося повальными болезнями, не предупреждает о своем приходе засухой, охватывающей степь, знойным летом, студеной, суровой зимой? Отчего же в годы, когда на людей обрушиваются беды и несчастья, травы начинают высыхать очень рано? Почему наши деды-прадеды боялись рано появившихся подснежников и рано зацветших фруктовых и плодовых деревьев? В таком случае...

Слава творящим благо травам, которые поддерживают и оберегают нас!

У природы есть чутье

1

В тот день мы долго ехали по дну высохшего старого русла реки, по которому уже давно не протекала вода. Нас с обеих сторон, выстроившись ровными рядами, окружали кусты облепихи и черемухи, росшие вперемешку друг с другом, что в природе встречается довольно редко. Шаке тем временем рассказывал о лечебных свойствах облепихи и об очень простом, как оказалось, способе получения из нее чудодейственного масла.

Наливаешь полный казан подсолнечного масла, кидаешь туда ягоды облепихи и долго кипятишь их. Так как облепиховое масло легче подсолнечного, то оно полностью всплывает на поверхность. После того, как его снимаешь с поверхности, кидаешь следующую партию ягод и снова кипятишь их. Полученное таким образом чистое облепиховое масло по своей лекарственной силе превосходит расхваленный многими «Кызылмай».

Рассказ Шаке напомнил мне отрывок из книги обожаемого мною Массажетова. «...У меня есть несколько любимых растений, особенно любимых. К ним относится и облепиха, Она для меня одно из самых красивых растений. Прежде всего – почка, в которой заложены зачатки цветков. А плоды – красные, оранжевые, желтые – воплощение щедрости: сколько силы и бодрости хранится в этих ананасно-ароматных, сочных, освежающих плодах! И – загадка: почему никто – ни даже заяц и коза – не трогает коры облепихи? Где бы я ни находился, всегда отыскиваю свою любимицу. А здесь ее нет. Всё, казалось бы, за то, чтобы ей здесь обитать. Вон сколько вокруг ближайшего и у нас единственного ее родича – лоха, джиды! »

¹ Джут – массовый падеж скота от бескормицы и голод, вызванный этим.

На следующем привале я сорвал один красивый бледно-желтый листочек облепихи, кору которой «не трогает никто», и поднес его к носу.

– Ты что творишь?! А я-то думал, что ты на самом деле разбираешься в лекарственных растениях! – сказал Шаке возмущенным голосом. – И тебе не жалко это бедное растение?! Ты же причинил ему мучительную боль...

Не знаю, как это восприняли в мой адрес остальные, но я лично понял причину возмущения Шаке. Хотя я сам не знахарь-тауп, но был рожден женщиной, которая вырастила нас благодаря своему знахарскому искусству. И я не понаслышке знал и не раз видел собственными глазами, как истинные травники занимаются сбором лечебных растений и трав, ведь это для них целый ритуал.

– Любое растение, обладающее лечебными свойствами, никогда нельзя срывать или обламывать руками. Когда ты срываешь его, оно испытывает боль, и сок его теряет силу. Лечебные травы обычно резко срезают остро отточенным ножом. Но в наших краях к облепихе даже и ножом не прикасаются. В январе, когда ударят сильные морозы, кусты встряхивают и собирают упавшие с них плоды. Потому что облепиха и черемуха растения смышленные. Ну, ты ведь вряд ли поверишь, если я скажу, что они предчувствуют, о чем помышляет приблизившийся к ним человек...

Не знаю, о чем там думают или что чувствуют облепиха и черемуха, но я как будто интуитивно догадывался, о чем думает сейчас Шаке. Моя мать, лечившая людей травами, всегда верила, что растения обладают чувствами и ощущениями. По мере своего взросления я замечал, что любой из таупов-лекарей, которых я знал, перво-наперво особое значение придавал своей чистоплотности и чистоте своих помыслов. Перед тем как приступить к лечению больных, они обязательно очищают свое собственное тело: окуривают себя дымом гармалы-могильника или же зверобоя, а затем ополаскиваются горячей водой, в которую добавляют настойку девясила. Мне не раз доводилось видеть, как знахари-травники подолгу читали аяты из Корана, прежде чем сорвать или срезать какую-нибудь из лекарственных трав, а лекари перед лечением больного обязательно молятся. Когда они подходят к нужному для них растению с теневой стороны и, дабы не причинить боли его телу (да, именно телу!), быстро срезают его острым ножом, то начинаешь понимать, что это не просто обычный ритуал, вызванный лишь только осознанием своего греха перед природой и желанием искупить его.

– Шаке, вы верите, что растения обладают чувствами, интуицией?

– Интуиция – это по-нашему «предчувствие»? Или же «ощущение»?

– Наверное, «соображение»...

– Ну и загадку же ты мне загадал... Какое «соображение» может быть у таких стариков, как я... Чего я знаю, так это то, что адамтамыр¹... имею в виду женьшень... уж точно обладает каким-то особенным чутьем. Многие из людей, живущих в горах, знают об этом...

Жители Алтая, употребляющие в качестве напитков и настоек кызылтамыр² и маралтамыр – олений корень, стоит лишь только упомянуть об адамтамыре, тут же возбуждаются. По лицу Шаке было заметно, что и он может кое-что рассказать о женьшене.

¹ Букв. «человеческий корень» или «корень жизни».

² Хвойник средней или эфедра промежуточная. Его шишковаягоды едят, используют для приготовления компотов, варенья, киселей, спиртных напитков, а золу стеблей добавляют в жевательный табак – насвай.

Говорят, что женьшень самое нежное, самое чувствительное среди творений мира растений. У восточных народов существует твердое убеждение, что это лекарственное растение, которое стоит дороже золота, собирают только чистые душой и телом люди, со светлыми помыслами и не таящие в себе ни капельки зла. Недаром тибетцы называют людей, которые всю жизнь бродят в тайге в поисках адамтамыра, называют «вапанцуй», что в переводе «непогрешимый». Так вот, сами эти так называемые «непогрешимые» утверждают, что женьшень прячется от людей, таящих в душе злобу и ненависть, и становится для них невидимым. Вапанцуи, всю жизнь посвятившие поискам адамтамыра, по сей день свято верят в то, что это священное растение могут увидеть лишь добродушные, с чистыми помыслами люди.

По словам старожиллов, это чудодейственное растение росло и на нашей земле. Когда я ездил в казахское село Косагаш в Горном Алтае, то вдоволь наслушался от местных жителей увлекательных рассказов о том, как их деды-пращуры возили корни женьшеня на продажу в Китай, во Внутреннюю Монголию. На северо-востоке Алтайских гор в кедровых лесах, растущих неподалеку от Рахмановских озер и озера Ары аккан-беры аккан¹, утверждали они, «золотой корень» находили довольно часто. И если учесть, что от страшных бедствий и тягот смутных времен, наступивших в первой половине прошлого века, особенно сильно пострадала большая часть казахов, живших на востоке страны, то сразу станет понятно, почему на сегодня адамтамыр полностью исчез на Алтае, а олений корень и хвойник встречается крайне редко.

По словам Шаке, женьшень-адамтамыр живет около ста лет. В трудные времена лихолетья прячется под землей и может находиться там годами. Так вот, люди, живущие на Алтае, уже много лет не видели его и не прикасались к нему руками...

– Шаке, а вы верите, что адамтамыр вновь возродится?..

– Почему не верю? Недаром говорится: «То, что было, то никуда не денется». Если в один прекрасный день у озера Ары аккан и Бері аккан кто-нибудь отыщет адамтамыр, то я ничуть тому не удивлюсь. Лишь бы тот, кто отыщет его, имел чистые помыслы.

Вот так. Хотя я и признавал, что Шаке по природе своей оптимист, но подобных слов услышать от него не ожидал. Стоило мне тут же представить перед своим мысленным взором, как наконец-то наступил тот самый «один прекрасный день», и мы с Шаке идем по густому кедровому лесу с рюкзаками за спиной в поисках женьшеня-адамтамыра, как мне стало смешно и захотелось рассмеяться... но не смог, до смеха ли мне было...

2

Сегодня наука признает, что растение, как и любое творение природы, обладает предчувствием, интуицией. Потому что во время исследования процесса обмена биоэнергетической информацией между окружающей средой и этими творениями природы была зафиксирована определенная связь.

Говорят, что красные цветы являются символом любви, белые – чистоты, желтые – тоски и печали, а черные – вероломства. А раз так, то каждое растение наряду с присущими только ему одному свойствами вполне может иметь свои чувства и ощущения.

¹ Букв. «Течет туда – течет сюда».

Ни для кого не секрет, что есть люди, про которых говорят, что у них «легкая рука»: что бы они ни посеяли, то, как правило, всходит. Здесь дело не в том, что у человека легкая там или тяжелая рука, а в самой чувствительности растений. Они как бы природным своим чутьем интуитивно ощущают положительную и отрицательную биоэнергию, исходящую от человека.

Есть растения, которые любят людей или же, напротив, относятся к ним с неприязнью. Человечество ещё издревле хорошо знало и изучило растения, умеющие любить. У казахов с давних пор существует традиция окуривать дом изнутри дымом могильника, прикалывать к изголовью супружеского ложа молодоженов цветы зверобоя. Наверное, и вправду обычный дикий лук и чеснок, препятствуя появлению в доме неприятных запахов, защищает его от дурного воздействия и всякой скверны.

Кустарниковое растение бледная омела распространилось во многих уголках земли благодаря птицам. Еще с древнейших времен люди верили в то, что ее вечнозеленые листья оберегают их жилье от всяких бед. А человеку, нашедшему цветок обыкновенного папоротника, прочили удачу во всех его делах.

В одной из лабораторий, где проводились исследования растений, работала очень красивая девушка. Спустя некоторое время ее сотрудники почувствовали, что фикус влюбился в юную красавицу. Как только она входила в помещение и начинала протирать пыль с его листьев, то прекрасное растение излучало такую сильную радость, что экран прикрепленного к нему монитора сразу же окрашивался в ярко-красный цвет. Как-то красавица стала флиртовать с одним из сотрудников, и тут фикус, ядрить его в корень, моментально почернел от ревности.

Что же получается, выходит, растениям, как и людям, свойственно любить, питать к кому-то симпатию?..

Растениям не чужды и родственные чувства. Это тоже научно доказанный факт. Пятеро специалистов занимались в одном кабинете ботаническими исследованиями, и как-то они решили проверить способность растений предчувствовать и понимать (да-да, понимать), что происходит вокруг них. Для этого сотрудники прикрепили к одному из растений сверхчувствительные электроды, подсоединенные к компьютеру. И когда они вначале сломали другое растение, стоявшее в том же кабинете, то сенсоры уловили на мониторе всплеск сильного возбуждения, исходившего от испытываемого растения. Далее молодые ученые решили провести эксперимент, сыграв между собой по правилам «черной рулетки». Кинули жребий и тайно определили того, кто должен был сломать испытываемое растение.

На следующий день пятеро сотрудников стали один за другим входить в кабинет, и когда туда вошел тот, кому было поручено сломать бедное растение, то оно тотчас узнало своего «палача». Но самое интересное произошло дальше. Спустя несколько дней, когда в кабинет вошел совершенно «невиновный» сотрудник, на экране монитора тотчас отобразился очередной всплеск «эмоций». Ученые весьма удивились этой реакции, и когда стали расспрашивать своего коллегу, выяснилось, что тот перед выездом на работу косил в своем дворе газон. Испытываемое растение, не видя и не зная, каким-то образом интуитивно почувствовало, что среди скошенных растений был его сородич.

После таких случаев невольно поверишь в то, что раз уж растения «способны любить», значит, им не чуждо испытывать к нам и чувство неприязни, если не сказать, что ненависти.

Сегодня стало повальным увлечением выращивать цветы в своем доме. По мнению специалистов, у этого увлечения есть и негативная сторона. Доказано, что некоторые из растений наряду с очищением воздуха в помещении выделяют и опасные для здоровья человека газы. Поэтому не лишне было бы знать, какие растения являются благотворными, а какие вредными.

Растения обладают также и способностью защищать друг друга, когда они чувствуют, что над ними нависла опасность. По словам американского ученого Э. Дэвиса, эта их способность действует на ионном уровне. К примеру, когда гусеницы бабочек начинают поедать один из листьев помидора, то расположенные рядом с ним другие листья тут же начинают выделять специальные ферменты, называемые протеиназом, которые парализуют органы пищеварения вредителя. А листья хлопка в таких ситуациях выделяют ароматный запах, называемый терпеном, привлекающим насекомых-паразитов из семейства браконидов, которые откладывают на гусенице свои яйца; как только из них вылезают личинки, они полностью пожирают жертву.

В природе нередко встречаются также и хищные растения, которые питаются насекомыми. Только у нас в Казахстане их несколько видов.

Есть и растения, которым и по сей день приписывают чуть ли не волшебные свойства. Средневековые алхимики и маги часто использовали их для своих опытов, приготовления настоек и различных эликсиров, якобы способных наделять людей сверхъестественной силой. Особенно широкую и печальную известность получила мандрагора, вызывавшая когда-то ужас у суеверных людей. По их словам, когда корень его, напоминающий скорченную человеческую фигуру (впрочем, так же выглядит и корень женьшеня, но, правда, не настолько страшно), вырывают из земли, то он кричит и стонет. В давние времена люди всерьез верили в то, что человек, услышавший эти звуки, в скором времени умрет...

Да, безусловно, растения обладают предчувствием и интуицией. Даже встречаются растения, которые могут мстить своим врагам и обидчикам. Вот что пишет по этому поводу Питирим Сергеевич:

«...я наблюдал и несколько сценок из жизни насекомых. Ктырь поймал слепня: есть и на тебя управа! – и высасывает этого кровопийцу. Он же, ктырь, охотится на кузнечиков, вот он сидит на кузнечике, высасывая его соки. Как он мог обездвигать такое сильное и крупное насекомое?

А следующая картина вызвала у меня недоумение. Где воспетая идиллия, когда яркая расцветка и аромат цветов манят труженицу пчелку угоститься нектаром за легкую попутную работу – опыление? Фиолетовый шалфей оказался вероломным злодеем. Он заманил доверчивую пчелу и, когда она пила нектар, плотно зажал губы своего цветка, защемив ее хоботок.

Я увидел лишь финал этой драмы: пчела была мертва, повиснув на своем хоботке. А может быть, паук притаился в цветке? Такие случаи мне тоже известны. Нет, паука в цветке не было. Вот и тема для детектива: кто виновник убийства? С какой целью совершено преступление?...»

Много еще чего интересного можно рассказать. Что же касается предков наших, то они знали о природных свойствах растений во много крат лучше нас, и наряду с этим передали потомкам свои знания через вот эти растения. Перечислили поименно отпрыскам все до единого опасные для организма человека и животного травы и тем самым обезопасили их жизнь.

Уместно будет отметить, что Питирим Сергеевич Массажетов, освоивший казахский язык для того, чтобы тщательно изучить мир растений, был не единственным, кто это сделал; путешественники, посвятившие свою жизнь науке, старались овладеть языком той страны, которую посещали, чтобы основательно узнать ее. В таком случае не будет преувеличением утверждать, что казахский язык на протяжении всей своей истории накапливал в своей лексике названия всех растений, встречающихся на казахской земле, и подробные знания о них. Поэтому его, ко всему прочему, можно считать и бесценным учебником самой природы...

Аптека природы

К знахарке, точнее, ведунье – бабке Марии, живущей в селе Соловьевка, мы приехали уже в сумерках. Во дворе было припарковано много машин, среди которых было несколько иномарок. Поодаль под навесом сидели в ожидании своей очереди люди.

Мы прошли в прихожую, где сидела разодетая в пух и прах красивая – кровь с молоком – молодуха. Украдкой поглядывая на нее, Болат шепнул мне на ухо:

– Не кажется, что эта красотка совсем не похожа на больную?..

В скором времени из большой комнаты, ведя за собой молодого, слегка полноватого рыжего парня, вышла и сама хозяйка. Наша ведунья, которую местные жители явно преувеличенно называли «бабкой», с виду оказалась средних лет, невысокого росточка байбише¹. Увидев видеокамеру в руках нашего оператора, она замерла на миг. Затем кивком головы подала знак строгавшему ножиком какую-то палку мужу, сидевшему у самого порога. Спустя некоторое время мы всей гурьбой высыпали во двор: я заметил, что всех сидевших под навесом людей и след простыл.

Поначалу смотревшая на нас с некоторой опаской Мария-апай после взаимных расспросов наконец-то повела нас к расположенному в глубине двора, площадью со средний дом участку, огороженному со всех сторон невысокой оградкой из штакетника.

– Давайте я вначале покажу вам свое богатство, – сказала она, открывая калитку.

Я почувствовал, что только одно перечисление названий растений, росших здесь плотными рядами, займет немало времени. Многие из них были хорошо известны всем в повседневном обиходе. Вот раугаш – ремень по-русски... Туйетабан – верблюжья лапа... Это – люцерна. А вот это – самая обыкновенная капуста.

– Это же жолжелкен! – воскликнул я, чтобы дать понять хозяйке, что тоже кое-что смыслю по части растений.

– Да, это подорожник, – подтвердила Мария-апай.

– Это не жолжеккен, а бажажапырак, – поправил меня Шаке.

По словам Марии-апай выходило, что почти все росшие в ее огороде растения являются лекарственными. Она останавливалась возле каждого из них и рассказывала о его лечебных свойствах. Особенно подробно она остановилась на двух из них: мынжапыраке – тысячелистнике и адыраспане – могильнике, прочитав нам, наверное, почти получасовую лекцию. Мы по возможности старались записывать всё на видеокамеру или же на диктофон.

¹ Так называли при многоженстве старшую жену. В данном контексте так почтительно в третьем лице казахи называют между собой хозяйку дома средних лет.

– А вот эта трава называется «дори моно», – продолжила она, указывая на светло-серые кусты высотой по колено, при этом чуть-чуть искажив правильное название дармины. – Царица всех лекарственных трав. А вот и татарник... Ну, капусту ни с чем не перепутаешь – головную боль как рукой снимает...

Этот относительно небольшой по своей площади огород Марии-апай, похожий на миниатюрную выставку растений, напомнил мне вначале памятную мне из детства игру в «угадай, какое это растение» с Сафи-ага, а потом фрагмент из книги Питирима Сергеевича. Ведь, кажется, он насчитал на каком-то крохотном клочке земли десятки видов лекарственных растений?

«...Площадки из-за недостатка времени брали небольшие: 9 квадратных метров. На заросли средней плотности насчитали: взрослых кустов дармины – 28, молодых всходов ее – 1530, анабазиса – 10, джантака – 4. Молодая – одно- и двулетняя – дармина была нередко скутана, вероятно, овцами. На изреженной заросли растительный состав был таков: взрослых кустов дармины – 6, молодых – 18, джантака – 19, анабазиса – 29...»

Когда в эти края приезжал Массажетов, любые из этих, росших на упомянутой им площадке в девять квадратных метров, растений обладали лечебными свойствами. Действительно, в прежние времена казахи, если их прихватывал радикулит, натирались кунжутовым маслом или же добавленной в керосин настойкой дармины. Человеку, страдавшему болями в желудке, давали попить отвар из верблюжьей колючки. А кылша-шекен – эфедра применялась как при лечении радикулита, так и при болезни желудка. Ею же лечили ревматизм и простуду, и она применялась при приступах астмы. Итсийгек – анабазис, который презрительно назывался «жаманшөпом» – «плохой травой» и порой не брался в расчет, высушивали и присыпали им раны домашним животным.

Болат, не к месту вспомнив о том, что работает в сфере защиты растений, вдруг взял да и ляпнул:

– Шаке, а разве для того, чтобы заниматься знахарством, не требуется разрешение?.. – а затем сразу же обратился с вопросом к Марии: – А вы не боитесь, что ваше лечение может нечаянно убить пациента?

Тут бедная баба Мария, без того все это время с испугом поглядывавшая в сторону камеры, и вовсе замерла от страха.

– Боже упаси!.. Пока еще Бог миловал... – возбужденно сказала она, трижды перекрестившись при этом. – Ведь разница между лекарством и ядом – в его дозировке. Действительно, если не быть осторожным, то худо дело... Но с Божьей помощью пока беда нас стороной обходит...

Тут к нам подошел муж хозяйки. Наверное, почуял, что жена попала в затруднительное положение, и сказал, повернув разговор в другую сторону:

– Дурья твоя голова! Ты лучше расскажи, как чуть было Сергея Евсеича на тот свет не отправила!

– Тоже мне нашел, о чем вспомнить, – рассмеявшись, сказала ему в ответ Мария. – Да, интересная история вышла... Тогда мы жили на заимке. Как-то к нам внезапно из района нагрянул евоный начальник. Послушала я рассказ высокого гостя, которого сюда и силком обычно не затащишь, и оказалось, что неспроста к нам заявился. «Жена меня к вам направила. Мне бы надо маральего корня попить, чтобы сил набраться, иначе – дело дрянь». А мы что, мы люди маленькие, раз начальник сказал, то деваться некуда; взяла и вскипятила целый казан этого

маральего корня. А тут, как назло, телеграмма пришла от моих родственников в России. Пришлось спешно собираться в дорогу. Когда спустя недельку-другую вернулась домой, то у двух мужиков, оставшихся дома, лица были опухшими. С утра до вечера знай каждый день дрыхли... Ну, Евсеич поблагодарил нас и отправился к себе домой...

По лицу хозяина догадываюсь, что самое интересное впереди. А он тут взял да и расхохотался:

– Ни стыда у тебя, Мариуша, ни совести... Чуть было в тот кон семью чужую не разрушили...

– Ты не зли меня, скверный старик... Это у вас нет стыда...

Тут Мария от смущения закрыла ладонями свое лицо и, чуть погодя, продолжила свой рассказ дальше.

– А оказалось вот что, парни. Пока меня не было, эти дурни пили, пили без меры маралий корень, пока весь казан не выпили. Видно, приспичило им тут всех молодых вдовушек облагодетельствовать. Спросите, а что было дальше? Не прошло и месяца, как Евсеич снова в гости нам пожаловал... Бубнит что-то бессвязное себе под нос, а сказать толком ничего не может. Я тут все и скумекала. Потом обоих десять дней кряду лечила, а Евсеича кое-как из рук в руки его жене передала... Оно, конечно, маралий корень и вправду помогает вернуть мужскую силу. Однако, если пить его без меры, то все тело никнет и слабеет до такой степени, что человеку все время спать хочется, и все это в конце концов может превратить мужика в импотента...

Я тут вспомнил о той красивой молодой, которая недавно приводила сюда своего мужа, и, не выдержав, рассмеялся. Почувствовав, о чем я подумал, хозяин, злобно вытаращив глаза, гаркнул на свою жену:

– Баба есть баба!.. Утверждает, что мы вместе с Евсеичем... Если бы не я, то что бы знала эта проклятая старуха, кроме листьев капусты!..

– Вы сказали капуста?

– Это самое главное лекарство. Начнут болеть и стонать ноги-руки – приложите к ним капустные листья... Заболит голова – опять-таки приложите к ней листок капусты... Чего уж там скрывать, если бы не наша Мариуша, эти «Волги» бы здесь не стояли. Им всем позарез нужен маралий корень. Как только увидели в ваших руках камеру, так тут же бросились врассыпную... Ну ладно, лучше пойдемте, покушаем, что баба нам там сготовила, – сказал хозяин и стал подниматься с места.

Выпив немного маральего корня и не заметив, как расправились с едой, мы опустошили графин медовухи, я вдруг почувствовал себя так хорошо, будто нахожусь в собственном доме. «С медовухой не шути! Не знаю, как подействовал на меня маралий корень, но ведь знаю, что медовуха окаянная хоть и не ударяет в голову, но по ногам-то бьет уж точно».

Я вновь вспомнил о записях Питирима Сергеевича. Кажется, Массagetов что-то там писал о состоянии полного безразличия, то бишь апатии, которое наступает от чрезмерного приема отвара из трав...

«...Алексей задержался на каменистом холме, спешил, что-то собирает. Мы подождали.

– А вот это, – он протянул мне траву с корнем, – стоящая трава. У нас тут в станице бабка Дарья ее корнем от всех болезней лечит: и от ломоты, и от бес-

сонницы, и от испуга, родимца. От головной боли тоже – сам испытал, с тех пор и уверовал.

Я сказал ему название этого растения: патриния.

– А у нас “безразличкой” называют. И в самом деле, такое у человека спокойствие наступает, что, кажется, скажи ему: “Твой дом горит”, а он ответит: “Ладно, пускай себе горит...”

Алексей подтверждает то, что я уже много раз слышал о целебных свойствах патринии, близкого родственника валерианы; кстати, корни патринии имеют слабый валериановый запах. Безразличка! Хорошо названа трава).

– Как же казахам жилось прежде, когда еще не было ни больниц, ни аптек, ни лабораторий? – спрашиваю я у Шаке.

– Зачем тебе прошлое!.. Человек в прежние времена выживал лишь только благодаря четырем видам скота... Чего уж там судачить об этом, ведь с тех пор, как райцентр перевели в село Большенарымское, и наша жизнь тоже стала целиком и полностью зависеть от скота и от трав...

Слишком уж приземленно мыслит Шаке. Как там говорится: «Отца волнует сын, а сына волнует свобода»? Откуда ему знать, что меня сейчас больше всего тревожит судьба степных растений... Что там ни говори, а в те далекие времена у кочевого народа, который пользовался каждым клочком своей степи как аптекой, конечно же, не было лабораторий, где бы испытывали ядовитые растения. Поэтому вольным детям степей не оставалось ничего другого, как искать ответа на этот трудный вопрос от окружающей среды, от собственного организма.

По обеим сторонам дороги росли, покачиваясь на ветру, доходившие до колен светло-серые кусты. Глядя на эти растения, часто встречавшиеся мне по дороге, я гадаю в уме: «Кем бы ты ни был, но уж наверняка ты джусан». Лично мне самому известны семь или восемь видов его, но растущие по обеим сторонам от меня растения намного выше джусана, который я встречал.

На выручку ко мне пришел Шаке.

– А это и есть наше дермене!¹ – сказал он. – Оно на самом деле чудесное растение, полезное... Самое главное, полезное и для человека, и для природы...

Чувствую, дай сейчас Шаке волю, он, ищущий «свободные уши», полдня будет читать лекцию о жусане-полыни. Как он там сказал: «А это наша дермене»... Надо же, он так до сих пор и не понял, что я далеко не дилетант и с детских лет рос окруженный вот этой самой дарминой, хорошо знаю ее «родословную» и тоже с ней на «ты».

Ну что ж, в таком случае... пусть Творец-Создатель даст Шаке долгих лет за то, что согласился стать проводником такому, как я, пришельцу, который явился сюда, махнув рукой на свои житейские дела-заботы! Так поблагодарим же благотворные травы за то, что указывают дорогу тем, кто заблудился, а тем, кто устал, придают энергию и свежие силы!

Во время двухнедельной командировки по Алтаю я заснял на видео материалы о лечебных свойствах свыше ста растений и трав. А то, что помимо этого воспринял душой и сердцем, всё еще свежо в моей памяти. Однако содержание этих видеозаписей я не стал использовать в рукописи своей будущей книги, ибо не хотел нарушать заповеди Шаке: «Лечение травами – опасное занятие, и им должны заниматься только специалисты!»

¹ Полынь цитварная, дармина.

* * *

За время, проведенное в алтайских лугах, мы с Шаке и сами не заметили, как превратились в идейных соратников и единомышленников.

– Ежели надумаешь написать что-то о растениях, то будь предельно осторожен, иначе, сам того не ведая, запросто можешь ой как крепко навредить кому-то... – предостерег меня на прощанье Шаке. – Среди трав нет таких, которые бы не являлись лекарственными. Потому что и ты, и я произошли от этих самых растений. Однако я не понимаю тех, кто на свой страх и риск, вычитав что-то из книг или увидев по телевизору, занимается самолечением и знахарством. Я против рекламы не то что лечебных трав, но и лекарственных препаратов. Только врач знает, кому какие лекарства надо принимать. Просто не хочу брать грех на душу, если вдруг кто-то, последовав совету какого-то там выжившего из ума алтайского старика, выпьет горькой настойки гармалы да и протянет ноги, или же, приняв на веру слова этой бабки Марии, упьется отвара оленьего корня, загуляет по девкам и бросит свою семью.

На основе материалов, отснятых в этой командировке, был выпущен в эфир пятнадцатиминутный видеофильм. Выполнив обещание, данное мною Шаке, я вывел в названии ключевую фразу не «лекарственные травы», а «благотворные травы».

Потому что я, так же, как и Шаке, не хочу перед всеми брать грех на душу.

Глава вторая ДОБРЫЕ И НЕДОБРЫЕ ТРАВЫ

Можно ли ядом обезвредить яд?

Половина моей жизни прошла и продолжает проходить в странствиях и путешествиях. Не буду говорить о других странах, но если скажу, что на казахской земле осталось совсем мало мест, куда еще не ступала моя нога, то это не пустое бахвальство. Если не брать в счет высохшее Аральское море и берега Сырдарьи, древние сухие русла в Кызыл-Кумах, благотворный Катон-Карагай и жемчужину Алтая – озеро Маркаколь и в придачу к ним Золотую степь – Сарыарку и полупустыню Бетпакадала, то одним из самых изученных и любимых мест являются Кордай и Мерке. В давние времена именно через них проходило одно из главных направлений Великого Шелкового пути, по которому в середине прошлого века была проложена автомагистраль Москва – Пекин, а уже в наши дни широкое бетонное полотно транспортной артерии Западный Китай – Западная Европа.

Чего много на этом отрезке пути, расположенном между Алатау, подпирающем небо своими снеговыми вершинами на юге и древним кладовым сокровищ – Каратау на севере, так это перевалов. Это и печально известный своими постоянными автокатастрофами, известия о которых постоянно режут наш слух, Кордайский перевал, и перевал Куюк вблизи города Тараз, у которого с наступлением зимы с обеих сторон скапливается огромное количество транспортных средств, непрестанно снующих от юга к северу и от севера к югу, и перевал Шокпар, весной и осенью вечно скрытый покровом густого тумана. Если вы, оставив позади отроги Заилийского Алатау, проедете мимо подножий

Таласского Алатау и Кокшал Алатау, то сможете увидеть различные исторические памятники, оставшиеся от предыдущих поколений, и станете очевидцами многих чудес природы.

Самая низкая часть Алатау – это невысокие пологие отроги, которые начинаются сразу же после переезда через Кордайский перевал. Прежде один из них называли Александровским хребтом, а уже в советскую эпоху переименовали в Киргизский. Питирим Сергеевич, обогнув этот «стоявший темной стеной» хребет, собрал гербарий в Сусамырской долине и на обратном пути заехал в село Александровку. Остановившись там на ночлег, он сделал следующие записи.

«...Здесь живут дунгане. Откуда здесь дунгане? Его отец бежал из Китая, когда он сам был еще двухлетним ребенком. Живут хорошо, к ним всегда хорошо относились русские. И русские для них – друзья. Река эта – Сукулук. А его зовут Шомуза. Он едет с гор. Вот, везет чекенду. Неужели такая огромная эфедра? Да, в горах она очень большая. Там жгли чекенду, получили золу, два мешка везет с собой. Это дорогой продукт. Необходим для насвая. А зеленая чекенда зачем? О, это большое дело! Кроме обычного насвая Шомуза приготовляет немного особого для людей, страдающих удущьем. Когда зеленые веточки чекенды высохнут, их разминают на катке и из сердцевины извлекают особую “муку”, ее прибавляют в обычный насвай. У него есть постоянные потребители этого лекарственного насвая.

Шомуза отказался от моего угощения, “ему сейчас нельзя”, но будет рад, если ученый человек посетит его дом, найти его очень просто. Будет очень рад. Покажет свое хозяйство. Прощаясь, Шомуза еще раз напомнил, что ждет меня к себе в Александровку.

Позавтракав, я стал собираться и все время думал об эфедре. С самой глубокой древности у многих народов эфедра имеет славу лекарственного растения. Почему в насвай добавляют золу эфедры, а не другого растения?

Какая такая “мука”, и почему обладает таким действием? Растение одно, а сколько вопросов...»

Да, вот как, значит. Читая эти строки, задумался и я. Еще в молодости этот насвай, будь он неладен, приходилось употреблять и мне. А всё благодаря моей матушке, известной в народе целительнице, да будет земля ей пухом. Один раз в неделю она шла в сарай, где на деревянной перекладине сушились пучки травы, служившей для приготовления насвая, приносила оттуда целую охапку, выкладывала ее в выдолбленное из дерева корытце и заставляла меня размельчать всё это деревянной ступкой. Обычно у матери всегда имелся постоянно пополняемый «стратегический» запас кокнара¹ и опиумного мака, который хранился в ларце, стоявшем в углу комнаты. Но она часто вместо них в насвай добавляла известку и золу саксаула. В ту пору в ауле чуть ли не все поголовно потребляли это зелье. Когда наступали сумерки, к нашему дому направлялись почтенные старики с всклокоченными бородами, встречались и дядьки средних лет, приличия ради носившие туго повязанные на шее галстуки. Денег наличных тогда ни у кого почти не было, зарплата исчислялась трудоднями, которые осенью выдавали в виде продуктов питания и риса-шалы, потому что колхоз у нас был рисоводческий. И хотя мы росли без отца, но жили намного лучше других в нашем ауле.

¹ Наркотик, приготовленный в виде отвара из головок опиумного мака.

Да, мама наша добавляла в насвай золу саксаула. И сейчас я думаю: а почему же она не добавляла туда золу эфедры? Как писал Питирим Сергеевич: «Растение одно, а сколько вопросов!..»

А что если мы поищем ответы на них в дорожных дневниках ученого, совершившего путешествие в мир растений?

«...Шомуза пригласил меня осмотреть усадьбу. Весь участок поливной, со сложной сетью арыков. Поражала целесообразность использования каждого клочка земли, и – что просто невероятно – никаких сорняков. Ближе к дому располагался огород. На грядках кроме обычных овощей и доселе мне неведомые: земляной орех арахис, какая-то коническая рыхлая капуста, пряные растения и необычные сорта помидоров.

Земляной орех я видел впервые, и хорошо, что остановил на нем внимание, иначе не узнал бы о его лекарственных свойствах: арахис, уверял хозяин, полезен для людей, у которых вяло работает кишечник. То, что обычно занимает много места – тыквы, арбузы, здесь отсутствовало: “это дешевле купить”. Сад составляла целая коллекция плодовых деревьев, приземистых, крепких, обильно плодоносящих. Пространство между деревьями отдано картофелю и свекле. Основную же площадь занимала махорка – главный источник доходов хозяина. Но какая махорка! Я не представлял, что это растение может быть таким мощным ...»

Так как я вырос ауле «Авангард» среди корейцев, депортированных сюда с Дальнего Востока, я хорошо понимаю всё то, о чем написано в этих путевых заметках. В них упоминается «рыхлая капуста» и, конечно же, «кимчи», которую у нас в ауле называют «чимчи». Ну, а самая ценная по своей питательности, по моему, соя. Свободное пространство между плодовыми деревьями корейцы, всё-таки они народ земледельческий, засеивают редиской и репой. Теперь мне ясно, откуда казахи наших южных краев научились снимать с одного танапа земли по несколько урожаев в год. А переселившиеся к нам дунгане такие же земледельцы, как корейцы и китайцы.

На участке Шомуза не было ни единого сорняка. Потому что народы, обрабатывающие землю, не делят, как казахи, животных и растения на «нечистые» или «чистые».

Ну, а на махорке, будь она неладна, надо бы остановиться более подробно. Если я что-то смыслю, то Шомуза, вероятно, имел в виду не махорку, то есть не табак, а растение, из которого изготавливают насвай, хотя и его с натяжкой можно называть махоркой. И здесь нужно отметить, что для Шомузы главным источником доходов являлся именно насвай...

«...Возле конюшни помещение для измельчения махорки. На большом каменном диске стоял подвижной каток с дышлом для лошади. Здесь же ступы для растирания листьев, идущих на насвай. Шомуза делает также курительную махорку – смесь грубо истолчённых стеблей и листьев. Зола эфедры – необходимый и ничем не заменимый ингредиент для насвая. Нет, никакая другая зола не может ее заменить...»

Да, вы уже теперь, наверно, и сами догадываетесь, что упоминаемое Массагетовым «помещение для измельчения махорки», «ступы для растирания листьев» на самом деле пусть хоть и не целая фабрика, но четко налаженное полукустарное производство, а не то что наш с матерью примитивный способ

приготовления насвая путем измельчения листьев табака в деревянном корытце. Когда я в семидесятые-восьмидесятые годы прошлого века неоднократно ездил в Ферганскую долину, то видел такие же, как у Шомузы, «подпольные» цеха по производству насвая в кыпчакских селах, расположенных вблизи городов Фергана в Узбекистане и Ош в Кыргызстане. Это было еще в советскую эпоху, когда в самом разгаре была борьба с частными предпринимателями, но и сегодня до меня доходят слухи о том, что там все еще продолжают работать подобные минифабрики по выпуску насвая.

Конечно, Казахстан – это и не Узбекистан, и не Кыргызстан, а казахи – не народ, живущий в Ферганской долине. Но, что самое интересное, насвай, запрещенный в нашей стране, продается чуть ли не на каждом углу, в любом магазинчике и на любом базаре. И он продолжает пользоваться довольно-таки широким спросом, потому что весьма доступен по своей цене, оперируя языком экономики, любому человеку, в то время как акцизные цены на сигареты растут пусть хоть и не еженедельно, но ежемесячно уж точно.

Помнится, в былые времена некоторые из наших школьных учителей, вернувшиеся с войны контуженными, бывало, прямо на уроке, стоя перед доской, высыпали себе на ладонь щепотку насвая, купленного у моей матери, и, о-о-отправив ее за нижнюю губу, продолжали спокойно объяснять урок: «Сумма двух числительных, помноженная на два...»

А ныне нередко приходится наблюдать, как какой-нибудь крепкий с виду мужик, втихаря купив у какой-нибудь старушенции, украдкой сбывающей в укромном месте на базаре запретную гадость, едва о-о-отправив щепотку в рот, мо-о-о-ментально выпучив свои красные глаза, мо-о-о-ментально высунив язык... Бывали случаи, когда некоторые с грохотом падали на землю. Вы, возможно, думаете, что этот насвай попал сюда из Ферганы? А я думаю, что нынешние процветающие потомки того самого братца Шомузы, лет сто назад жившего вполне припеваючи на Кордайском перевале благодаря разведению махорки и приготовлению из нее насвая, тоже не сидят сложа руки и достойно продолжают дело своего пращура.

Если я чего-то тут переборщил, то заранее прошу прощения!..

«...На соседней усадьбе имеется плантация мака. Да из этого мака и готовят опий...»

...На плантации познакомился с дунганином Лягезо. Он и показывал, как добывают опий.

Четкость, ловкость движений человека, выполняющего обряд тысячелетней давности, сознание, что присутствую при таинстве превращения обычного растения в страшную силу добра и зла, – всё это создавало настроение приподнятости и даже благоговения.

Лягезо работал, а Шомуза вполголоса, с той строгой интонацией, какая принята при совершении обряда, давал пояснения. Нож с двумя лезвиями, которыми Лягезо надрезает головки мака, – куа-хуа-тоза.

Лягезо переходит от одного растения к другому, а мы идем следом.левой рукой он придерживает головку мака, а правой делает на ней горизонтальный надрез. И тотчас на поверхности выступают белые, как молоко, капельки сока.

– Надрез должен быть точным, никак не глубже корки плода, иначе сок уйдет внутрь, а не выступит наружу, – пояснял Шомуза».

А иначе... упаси меня Аллах, как бы рассказ мой этот не почли за скрытую рекламу?! Нет, нет, сменю-ка я, пока не поздно, такую довольно деликатную тему, чтобы не запятнать себя несмываемым грехом искусителя перед «деловыми людьми» и некоторыми чересчур быстро схватывающими все на лету смысленными представителями молодого поколения. Ведь я сам лично знаю, как добывается яд из многих растений, подобных конопле и кендырю. Но не скажу. Потому что боюсь перед некоторыми недалекими, ограниченными людьми, таящими в душе злой умысел, которые, прочтя мои записи, могут использовать это в своих злонамеренно-корыстных целях.

Я не помню, сколько раз я побывал на берегах реки Чу, куда совершал путешествие Питирим Сергеевич. Иностранцы, ни сном, ни духом не ведающие, где и на каком континенте находится казахская земля, которая свыше семидесяти лет входила в состав Советского Союза, хорошо знают о свойствах конопли, растущей на большом пространстве поймы этой самой Чу, в самом центре которой расположен аул Аспара¹. И я просто удивлен тем, что Массажетов, знающий растения как пять своих пальцев, не заглянул в эти места, которые во всем мире люди называют «темным уголком».

Питирим Сергеевич отмечал, что такое безобидное на первый взгляд растение, как опиумный мак, являясь в медицине незаменимым и эффективным для организма человека лекарством, может тайно обратиться в страшную угрозу для его здоровья и жизни. Недаром предки наши говаривали: «За добром порой скрывается и зло». Они также утверждали, что «ядом можно яд обезвредить». Если зреть в корень, то и девясил, и итсийгек, считающиеся «лекарством из лекарств», в то же время могут обратиться и в «ядом из всех ядов». Укоргасын² – аконит, названный Массажетовым «иссык-кульский корень», может убить наповал и животное, и человека. Очень опасны для организма человека зерна солодки и выюна. К разряду опасных растений относится и могильник – адыраспан. Всего лишь одна капля вытяжки или экстракта из этого трепетно почитаемого растения, отпугивающего по народным повериям всякое зло и нечистую силу, обрывает человеческую жизнь. Ясно, что предки наши хорошо знали об этом, поэтому неслучайно называли адыраспан «могильной травой».

Они также говорили: «Для скота оберег снаружи, у человека оберег внутри». Эти слова были сказаны по отношению к растениям, являвшимся пищей для скота и для людей.

Так что обращаюсь к вам, дорогой читатель – любитель путешествий: умейте различать полезные и вредные травы, растущие у вас под ногами!

* * *

Дальше я не буду приводить отрывки из дорожных записей Массажетова, сделанных им вблизи Аягуза на берегу реки Или. Я несколько дней работал в Сергиополе, ныне это село Буденный Аягузского района, там, не торопясь, проводил свои изыскания ученый. Трижды босиком переходил вброд через бесконечно извивавшуюся реку Аягуз, своими собственными глазами видел дроф, которых так живо и интересно описывал Питирим Сергеевич, и скажу не тая, испугавшись шальных пуль охотников, стрелявших в них, прятался под мостом.

¹ Село Меркинского района Жамбылской области.

² В переводе с казахского – «свинцовый яд».

Несмотря на то, что с того времени, когда здесь побывал Массажетов, прошло всего лишь восемьдесят с лишним лет, но никого, кто виделся с ним в то время, так и не повстречал.

Поэтому мне остается рассказывать о мире растений, которые проходят испытания временем более стойко, чем человек.

«Дәрі міне» – дермене¹

1

Дармина. Да, дармина. Обыкновенная полынь. Ее в наших краях иногда называют «ермен», а иногда «дермене», что по-русски – дармина. Во время своего путешествия из Алтая в Кисловодск Питирим Сергеевич побывал на Красном мосту через Сырдарью. Не просто побывал, а поехал туда, прослышав, что это одна из ядовитых трав, в которых обычно и содержатся алколоиды. Его поход оказался удачным, потому что он встретил там большие массивы этого редкого растения. Первые научные выводы ученого, который, выбрав целью своих изысканий алколоидные растения и получив в дальнейшем ученую степень, были сделаны им в селе Темирлановка, расположенном у берегов Сырдарьи...

«В чистой заросли мы спешились. “Даре мона!” Изящество и красота дармины идеальны, форма и цвет лаконичны и просты. Среди сонма полыней цитварная полынь как породистый конь среди разномастных сивок. Стебелек дармины имеет форму кипариса. Все веточки густо усеяны мелкими, как бусинки, цветочными бутонами четко вылепленной яйцевидной формы с черепитчато-выпуклой поверхностью. Ничего лишнего. Никаких обычных для полыней волосков – опушения нет. Вот оно какое, “цитварное семя”!»

Но ученый не ограничился лишь только своими открытиями, он рассмотрел возможность производства этого лекарственного растения в промышленных масштабах. Доказательством тому может служить приведенный ниже фрагмент из его книги.

«...Дальше – еще более чистая равнина с разбросанными побелевшими, как кости, обломками стеблей асафетиды и неожиданно зелеными сейчас ковриками якорцев.

Это “чушка-текен” – дурная трава. Вот видите, только она не высохла, свежая. Но если ее поедят овцы – беда, заболуют, а когда зарежешь, кости внутри, где мозг, желтые. Скверная трава! – заключил Чамыш.

Но вот по обеим сторонам тропы стали попадаться отдельные кустики дармины. Проникновению ее сюда Чамыш дал блестящее объяснение: оболочки ее семян осенью, в дождливую, сырую погоду, сильно разбухают и становятся клейкими. Они прилипают к шерсти скота и отваливаются при высыхании, иногда уже за несколько верст от зарослей. Какое умение наблюдать и делать выводы у этих простых людей!»

«Прервал мои воспоминания Давлет: он говорит, что дармина здесь зацветет через две-три недели. Хорошо, значит, я успею провести начало задуманного опыта, на который натолкнул меня Шахназаров. У него в отчете есть предположение, что сантонин – действующее противоглистное вещество дармины – сосредоточен в пыльце ее цветков. В таком случае в ней, в пыльце, должно содержаться

¹ Игра слов. На казахском «дәрі міне» означает: «Вот оно лекарство», а дармене – это дармина.

не два, а не менее десяти процентов сантонина. Если это так, всё выглядело бы по-иному: и объект заготовок (не семена, а цветок), и транспортные расходы, и производственный метод...»

Естественно, я понимаю, какие мысли таит в себе ученый, изучающий «транспортные расходы и производственный метод». Не было ни одного из путешественников, ученых, занятых в любой сфере науки, ступавших на казахскую землю, который бы не думал об экономических интересах своей страны, о том какую выгоду ей можно извлечь из этого. Наш Питирим Сергеевич, думавший одновременно о своей научной карьере и о задании правительства, тоже не мог игнорировать это.

Если мне не изменяет память, то весной тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года мне довелось побывать в районе Ордабасы у кипчаков, проживающих в селе Караспан. Река Сырдарья, которая начала постепенно мелеть сразу же после того, как еще в шестьдесят первом было построено Шардарьинское водохранилище, внезапно вышла из берегов и затопила населенные пункты, прилегающие к ней в ее среднем и нижнем течении. Когда я приехал туда, то растительный мир в пойме реки, который видел когда-то Питирим Сергеевич, изменился до неузнаваемости.

А вот большие массивы, где произрастала дармина, сохранились в тех же объемах, несмотря на то, что рисовые чеки заняли огромные площади вдоль водохранилищ и Кызылкумского канала, берущего свое начало из Шардарьинского водохранилища. Слова казахов, живущих в бассейне Сырдарьи, о том, что жусан неприхотлив и приспосабливается к любым изменившимся условиям, оказались правдивыми; когда я прибыл туда, то достоctимая дармина, которую в давние времена местные жители скашивали на топливо, всё еще здравствовала. Эта серая полынь, доходившая почти до колен, росла, покачиваясь на ветру, на краях посевных площадей, на холмах и по обочине дорог. Ну до чего же сильное и живучее это растение!

Мы видели, что с тех пор, как страна наша обрела независимость и открыла свои границы, самые предприимчивые граждане, весьма поднаторевшие в торговых делах, активно занялись заготовкой дармины и софоры, экспортируя их в другие страны. А корни этих растений, собранные теми, кто сидит без работы, не находя другого применения своим рукам, так же, как и в прежние времена, горами лежат на складах возле железной дороги. Всё те же транспортные проблемы, всё та же логистика. Невольно приходишь к мысли о том, а не пора ли покончить с эти напрасным делом, от которого нет никакой пользы ни природе, ни экономике страны.

Да, точно такая же картина наблюдалась и сто лет тому назад.

«...И опять прежний вопрос:

– Будут ли готовить дармину, а то возле станции Арысь ее уже рубят на топливо и каждый день на станцию гонят верблюдов с рубленой дарминой. Мы этого не делаем, на топливо рубим итсийгек, джантак, джусан.

И тут молодой парень задает мне еще вопрос:

– Правду ли говорят: Ленин декрет издал, запрещающий рубить дармину?

Я не знал такого декрета. Как быть? Ответить “не знаю” в этих условиях равносильно утверждению, что такого декрета нет и можно рубить дармину. Как бы поступил на моем месте темирлановский председатель?

И я сказал:

– Да, есть такой декрет!..»

Возможно, и нам нужно издать такой декрет...

2

Дермене. То самое растение под названием дермене – полынь. Ах, сколько всяких притч ходит в народе об этой достойной восхищения и подобной символу казахской степи полыни. Подобно тому, как обычный чурбан – томар стал по-научному называться «тамариском», так и бледно-белый жусан имеет историю происхождения своего названия.

Говорят, в далекие времена на казахскую землю прибыл один из келимсеков – чужестранцев, чтобы ознакомиться с ее обитателями, с их традициями, бытом и нравами, а заодно изучить в научных целях и его растительный мир. Подъехав к какой-то юрте, он, указав жестом руки на лежавший у входа чурбан, оставшийся от куста гребенщика, спросил у хозяина: «Как называется это растение?» Естественно, абориген понял одно, что чужестранец, языка которого он не понимал, интересуется у него, как, мол, этот предмет называется, на что и ответил: «Томар»¹. Ученый чужестранец тут же от радости черкнул это слово в свою записную книжку. Так и вошло оно в язык науки как «тамариск».

Конец этой притчи или были можно обратить в забавную шутку, но вот поведать о дермене-дармине в таком же ключе язык не повернется. Еще один ученый муж, восхищенно любуясь несметным количеством колышущихся степных трав, представших его взору, спрашивает у первого попавшегося ему на пути потомка древних кочевников: «Есть ли среди этих трав лекарственные?» Казах, пасший свой скот среди зарослей обычной полыни, указал рукой на росшее прямо у него под ногами растение, густо усеянное мелкими цветочками и отдаленно напоминавшее своей формой карликовый кипарис, и тут же произнес: «Дәрі міне!»² Затем добавил: «Дәрінің дәрісі – осы»³.

А что еще мог ответить наивный чабан, который, выпустив по весне весь свой исхудавший, отощавший скот, прокашлявшийся всю зиму в холодной кошаре, пастись в степь, в густые заросли дармины-дермене, где животные тотчас пошли на поправку?!.. Где бы он мог найти лекарство лучше, чем полынь цитварную – дермене, если в помине не было ни ветеринаров, ни аптек...

Вот так, под красивым названием «дармина» в фармакологии заняло свое место растение дермене-жусан, из которого получают единственный эффективный медицинский препарат сантонин, выводящий глисты из организма не только животных, но и человека.

Для людей посвященных язык – это живая система знаков, которая постоянно меняется и обогащается. Путем трансформации фраза «дәрі міне» преобразовалось в неологизм «дармина». Таким образом, обыкновенная серая полынь, войдя в научный оборот и пройдя по всему миру, вошла в казахский язык уже как «дермене».

Для казахов нет священнее растения, чем жусан: во сне он им снится, а наяву они очень жаждут вдохнуть в себя его притягательно-терпкий, желанный запах.

¹ Томар в переводе с казахского – чурбан, пень, полено.

² Вот – лекарство!

³ Это – лекарство лекарств.

Сказывают, что еще в смутные времена бесконечных набегов, когда некоторые воины из войска кипчакского царя Артыка решили остаться и навсегда осесть в далекой благодатной чужбине с ее райской и желанной для души природой, он отправил им мешок жусана, чтобы тем самым заставить их вернуться на родину. Но ведь дармина не просто какая-то одна из разновидностей полыни, она родоначальник всех ее видов. В таком случае незачем удивляться тому, что казах, пасший свой скот, назвал ее «лекарством из лекарств». Да, именно так лекарством. Для казахов она является незаменимым лекарством, излечивающим не только их организм, но и душу.

Для потомков древних кочевников, не имевших испокон веков у себя под носом никаких аптек, сама широкая степь являлась лечебницей, а каждый ее уголок – природной аптекой. На их счастье, в таких аптеках было нескончаемое множество бесчисленных лекарств и снадобий, которые обновлялись из года в год, вновь и вновь возрождаясь из матушки-земли...

3

Всем вам, наверное, известна такая притча. «Какая трава худшая из всех?» – спросил как-то у считавшего себя знатоком легендарный мудрец Аяз би. На что тот ответил ему: «Шенгель». «Худшая из трав – рогоз, – поправил его мудрец, – потому что шенгель хорошо горит в огне».

Шенгель, достойный уважения, является надежным укрытием для всего живого. Восхитительный шенгель удобряет почву. Медоносные пчелы с его цветков собирают нектар. Так к какой же группе растений вы могли бы отнести распустившийся дедами нашими шенгель, когда он цветет?

В развитых странах издавна принято делить растения на «культурные» и «дикие». А казахи-степняки никогда не проводили грань между ними и не делили степные травы на «полезные» и «бесполезные», то есть вредные и не вредные.

Вот что писал Питирим Сергеевич:

«...Вообще мой провожатый оказался наблюдательным и вдумчивым человеком. То, что он мне сообщал, было не просто повторением слышанного, а критически им самим осмысленным и проверенным. Рассказывая, он предупреждал, что ему точно известно, а что – “так люди говорят”».

Вот седая полынь. Хороший чабан знает ее силу, знает, когда здесь пасти овец. Весной, случается, у них в легких заводится червь “кыл-курт”. Овцы начинают кашлять, тогда чабан их гонит на полынь, и болезнь проходит. А осенью в печени у овец могут появиться плоские глисты, опять, чтобы скорее вылечить животных, надо их гнать через полынные заросли.

В разговор вступил Карыбай – мы думали, он уже уснул. Он рассказал, что, оказывается, если дармина попадает в условия повышенной влажности, в затопляемое место, то она изменяет свой облик, “перерождается” в чагырджусан – седую, с простертыми ветками полынь; если же выходит на холмы, превращается в совсем белую, сильно опушенную полынь бозджусан, а когда попадает в пески, становится менее опушенной – керьджусан.

– Так говорят знающие старики, – закончил Карыбай...»

По моему мнению, разница между ветеринаром и врачом небольшая. Ведь любое фармакологическое средство в первую очередь испытывают на животных. А раз так, то стоит ли удивляться природной способности казахов, как пять паль-

цев знавших всё, что имело отношение к их четвероногим питомцам, излечивать различные болезни также и у людей.

Ясно же, что человек, умеющий выводить червей из легких у овец, знал, как вывести глисты и у человека. И делал это не только лишь благодаря своей интуиции и жизненному опыту. Согласитесь, ведь для того, чтобы знать о том, что именно в пыльце цветков дармины скапливаются вещества, способные вывести глисты, и что именно в густой, похожей на молоко, жидкости, выделяемой корнями сасыра-косафедита, содержится вещество, которое успешно устраняет спазмы в горле или приступы астмы, одного опыта мало, и уж наверняка нужна в какой-то мере и научная подготовка.

Известно, что во время своего путешествия Массаетов записал множество способов и методов, применявшихся казахами, при лечении болезней. Среди них попадаются такие, которые на сегодня полностью утеряны и не встречаются даже в научно-популярной литературе. Массаетов описывает, как ребенка, заболевшего воспалением ушей – отитом, купали в воде, добавив туда отвар итошагана – череды, и что при лечении туберкулеза применяли дикое травянистое растение карақұмық – кислицу, растущую на горных склонах, а против ангины и кори использовали траву мамыр.

«Из собранных нами растений Худайберген особенно хвалил персидскую розу: незрелые плоды ее – очень хорошее лекарство для женщин. Ждущие ребенка пьют водный отвар плодов, чтобы после родов не болеть и сразу можно было бы работать», – писал он.

Наряду с этими простыми способами применения лекарственных трав, наши предки использовали более серьезные методы, требовавшие знания химии. И они не просто обладали такими знаниями, но и собирали их для продажи в далекие и ближние зарубежные страны.

Массаетов писал и о том, что лечебные свойства дармины были открыты казахами еще в незапамятные времена, и они собирали их не только для себя, но и отправляли далеко за пределы своих земель.

«...В 1830 году из него впервые было выделено кристаллическое вещество – сантонин. А с 1838 года началось промышленное производство сантонина в Германии: из пятидесяти пудов дармины получали пуд сантонина, который стоил 1750 рублей. Сырьем служила казахская дармина. Ее заготавливали здесь до 100 тысяч пудов в год. Казахи на месте получали за пуд 6-8 копеек, а в Германии он стоил 19 рублей. Германские фирмы ежегодно зарабатывали на дармине более миллиона. Затем все заросли дармины арендовал оренбургский купец Савинков. В 1883 году он построил в Чимкенте сантонинный завод; цитварное семя (дармину) он продавал за границу по 7 рублей за пуд, а сантонин – по 500 рублей. Казахи же продолжали получать те же 6-8 копеек».

В своих записях Питирим Сергеевич упоминает о том, что до революции имелись заводы по переработке дармины: один в Шымкенте и два в Ташкенте, а массивы этого растения занимали земли площадью в 400 тысяч десятин земли. Места произрастания дармины простирались от отрогов хребта Каратау до Кызылкумов и в массовом количестве встречались в пойме рек Сырдарья и Арысь. На базарах Ташкента и Туркестана шла бойкая торговля этими растениями.

Но разве люди по достоинству оценили столь щедрый дар природы? Жители южных краев использовали дармину в качестве топлива так же, как анабазис и

верблюжью колючку. Массагетов пишет, что во время своего пребывания там он видел, как люди везли для продажи на станцию Арысь огромные связки дармины, нагруженные на верблюдов.

Если отставить в сторону разговоры о прошлом, то и сейчас находится немало тех, кто использует дармину как топливо. Мало того, мы своими собственными глазами наблюдали, как тракторами выкорчевывали массивы дармины и под видом того, что освобождают площади под посевы, выжигали их дотла. Нынче в окрестностях города Арысь стало значительно меньше земель, где растет дармина. А огромные массивы этого ценного лекарственного растения, занимавшего чуть ли не всю территорию в междуречье Арыси и Сырдарьи, на сегодняшний день затоплены водами Шардарьинского и Бугуньского водохранилищ.

Густые заросли дармины, на протяжении веков кормившие жителей присырдарьинских аулов, в тяжелый переходный период девяностых годов подверглись беспощадной вырубке. Оставшиеся без работы люди в отчаянии везли мешки с зернами дармины на Шымкентский и Алматинский фармацевтические заводы.

Мы потомки кочевого народа, веками поклонявшиеся Тенгри. И если вдруг в один прекрасный день какой-нибудь чужестранец, приехав на казахскую землю, возможно, спросит: «А здесь есть лекарственные травы?» Тогда... Как бы тогда нам не попасть впросак, напрасно пытаюсь найти обыкновенную серую полынь, чтобы с гордостью показать ее гостю и сказать: «Дәрі міне» – «Вот лекарство!»

Третья глава ГЛУБОКИЕ КОРНИ

1

Много лет тому назад невесть каким образом в тематический план киностудии попал мой документальный фильм о растительном мире Кызылкумов. Это произошло благодаря не художественному уровню написанного мною сценария, а творению рук кызылординского мастера народных промыслов Бориса Калназарова под названием «Освоение целины», вручную вырезанного в куске туранги – тополя сизолистного. Видать, изображение лисы, притаившейся под сенью потрескавшегося саксаула, понравилось редактору студии «Казахтелефильм» Косылгану Абжанову, выходцу из Приаралья. С восхищением отметив, что образ лисы вместил в себя всю скорбь и печаль берегов Сырдарьи, он бесконечно долго читал лекцию о самом Борисе, о растительном мире поймы реки Сырдарья. В результате этой лекции сценарий фильма утвердили и включили в план, а самое главное – мы получили возможность снять кино о саксауловых лесах Кызылкумов.

Один из летних ярких солнечных дней. Мы с Косылганом и кинооператором Карабабином едем к берегам Сырдарьи. Здесь нет особой надобности подробно рассказывать о традиционных дорожных трудностях. В те годы добираться из Алматы в Кызылорду, из Кызылорды в Кармакшы, а далее в глубину самих Кызылкумов – в отдаленные села Жанакалу и Куандарию, было невыносимо трудно. Самое интересное, что основная часть поездки начиналась именно с поселка Куандария. Расстояние от этого центра сельского округа до конечного пункта отделения Кекрели составляло свыше двухсот километров. Пески. Пески. Кызылкумы. За ними Каракумы... Граница Казахстана с Узбекистаном. Ладно уж

там, что кругом пески, но, если не считать нескольких зимовий чабанов, встречавшихся порой на нашем пути, вокруг простиралась почти вымершая, ужасная пустынная равнина, сплошные солончаки, потрескавшиеся от зноя такыры, полностью лишённые растительности. А в редкие дождливые годы эти такыры на глазах превращались в райские уголки. Я по сей день не могу забыть о красоте чудесной природы этого загадочного края, открывшегося моему взору с высоты птичьего полета, когда совершал облет всей этой местности на самолете, чтобы написать про старые русла давно пересохших рек, затерянных в песках.

После того как в селе Куандария расселись по двум вездеходам, мы резво, словно джейраны, устремились в сторону Кызылкумов.

Вначале позади остались заросли тамариска и джиды – лоха. Вскоре проехали мимо усохших до жалкого состояния жидких стебельков свиной пальчатника и небольших песчаных бугров. В самый полдень перед нами стали возникать окутанные желтоватой пеленой миража бледно-серые барханы с кудрявыми гребнями. Пески... Песчаные холмы... Не успеваешь оставить за спиной один, как сразу же прямо перед тобой возникает поперек пути второй. Помните стихи: «Чубатые барханы, чубатые барханы... Ногами вязнут в вас люди и верблюды...» Барханы есть. А вот верблюдов нет. Не то что верблюдов, никакой другой живности и в помине нет, разве что изредка дорогу перебегают ящерицы. Песчаная дорога поднимается то вверх, то резко опускается вниз, и от бесконечного встряхивания головой, когда постоянно переводишь взгляд с одного холма на другой, затекла шея и онемели щеки.

Хотя песчаная дорога ползет зигзагами и полна крутых виражей, но по сравнению с ухабистой грунтовой дорогой, на которой от постоянных встрясок отбиваешь все свои внутренности, слава Богу, едешь намного спокойней и более плавно. Нас трое в тесной кабинке вездехода, следующего впереди. А когда во время езды нас вдруг подбрасывает, сидящий рядом со мной Карабалин крепко прижимает к груди кожаный чехол. Я понимаю его состояние, ведь все наши надежды связаны именно с тем, что находится внутри чехла – с кинокамерой, поэтому иногда подбадриваю его словами, а иногда сопереживаю ему молча, бросая в его сторону взгляд, полный сочувствия, выражая ему тем самым чувство сострадания.

Некоторое время спустя всё реже стали встречаться жиденькие, тоненькие, как спичинки, кустарники карабаркына и тамариска-джингила, и всё чаще на глаза стали попадаться кусты саксаула высотой больше человеческого роста. Постепенно изменялся рельеф местности, а заодно и растительный мир, покрывавший его. Вплотную нависавшие на нас со всех сторон замысловато извивающиеся ветви желтого саксаула полностью закрыли боковой обзор из окон.

– Дорогие мои, вы еще живы, – произнес я вслух, неотрывным взглядом уставившись на мощный, туго скрученный чуть ли не в спираль ствол саксаула. – А я-то думал, что у берегов Сырдарьи саксаула уже больше не осталось...

– Какая еще тебе здесь Сырдарья! Мы давно уже уже находимся в глубине Кызылкумов, – уставившись на меня, воскликнул Косылган. – А это дерево уж точно нас с тобой еще переживет.

– Какое такое дерево? Это же кустарник...

– Я это о саксауле говорю. В наших краях не то что саксаул, но даже и заросли джингила причисляют к деревьям. И как только у тебя язык поворачивается называть его кустарником?!

Я удивленно оглядываюсь по сторонам. На самом деле, в этом тугае (скорее, его лучше было бы называть лесом, а не тугаем) и тени гуще, и краски насыщеннее. Я не северянин, который никогда не видел саксаула и джингила – тамариска. В наших краях саксаул вырастает не выше человеческого роста. Возможно, это мы сами не давали ему достичь такой высоты, как здесь, используя его на топливо. Что там ни говори, эти растения, которые нависают над крышей нашего вездехода и тенью своей покрывают всю ширину дороги, иначе как деревьями не назовешь.

Я слышал, что саксаул достигает десяти метров высоты. Вполне возможно, что именно такие леса имели в виду наши деды, когда упоминали о саксауловых чащах – тугаях, где может заблудиться даже человек, сидящий верхом на верблюде. Я не раз задумывался, почему в наших присырдарьинских аулах говорят «листья джидь», «листья саксаула». А теперь, когда мы проезжаем через этот лес, я вижу, что вполне уместно было бы называть эти длинные оголенные синеватого цвета иглы – листьями.

Если мне не изменяет память, то, кажется, в классе десятом я написал очерк под названием «Саксаул». Тогда я всё никак не мог найти подходящее название для молодой ветки саксаула. Как обычно, в таких ситуациях я мог только надеяться на мамину помощь. Вот и стал донимать ее. Тогда она сказала: «Да это же “жігер”». И добавила: «Недавно зазеленевшую поросль называют свежей отавой – “ақ сүйрік”. А когда саксаул становится совсем стареньким, и кора его приобретает совершенно белый цвет, то его называют “ақсоңке”»...

Чего только не знала моя мать – дочь рыбака, выросшая на берегу Сырдарьи. Да, помню, она так и сказала: «Когда становится совсем стареньким». Тогда я подумал: «Разве саксаул может постареть?» и тут же забыл об этом. Названия, которые перечислила она, мне лично были очень даже понятны. Если бы прямо сейчас моя матушка сидела рядом со мной, интересно, как бы она назвала эти огромные деревья. Кто знает, скорее всего, назвала бы «сексеуіл дарағы» – большими саксауловыми деревьями...

Находясь среди саксауловых зарослей, невозможно не думать о саксауле. Если бы стали выбирать растение, которое бы олицетворяло собой наши пустыни, нет, даже природу всей казахской земли, то им безоговорочно, на мой взгляд, должен был стать саксаул. Потому что с незапамятных времен до наших дней в основном именно священное растение защищает аулы и плодородные земли от постоянного нашествия кочующих песков, если учесть, что большую часть территории Казахстана занимают пустыни и полупустыни. Я заметил: человек, увидевший саксауловое дерево (да, именно дерево!), не похожее ни на одно растение на всем земном шаре и кажущееся с виду не очень красивым и приятным, не может оставаться к нему совершенно безразличным и равнодушным...

Саксаул привлек и внимание Питирима Сергеевича Массажетова. Во время своего путешествия из Ташкента в Кисловодск вот что написал он о саксауловом лесе (да, именно лесе!):

«А за стеной тамариска оказался лес. Лес из невиданных деревьев со скрученными и гладкими – без коры – стволами и свисающими тёмно-зелёными нитями вместо листьев. Саксаул! Мы в настоящем саксауловом лесу. Необычность окружающего была настолько велика, что исчезли напряженность и беспокойство. Корявые, обтерто-гладкие, вытарашенно следящие за нами стволы были похожи

на тела змееобразных ископаемых, а свисающие зеленые космы – на шерсть этих чудовищ.

И своеобразный свист ветра, совсем не похожий на шум хвойного леса, и острый, пряный запах, не вызывающий знакомых ассоциаций, и фантастический облик невиданных до тех пор деревьев – всё это повергло меня в странное состояние отрешенности и какого-то безволия: будто я приехал, достиг цели, будто именно из-за этого я так долго шел».

До чего же красивое, до чего же впечатляющее описание!.. Все мы пишем о чем-то, но кто может написать лучше, чем он, о саксауле, являющемся истинной красотой и гордостью пустыни?! Посудите сами. Саксаул для животных – пища, для человека – топливо, дающее тепло, и надежная защита от кочующих барханов. Там, где растет саксаул, песок не промерзает даже в самые крепкие морозы, и пасущаяся возле него зимой скотина может самостоятельно добывать себе корм. Питирим Сергеевич тоже, вопреки устоявшемуся в научном мире мнению, что саксаул – это кустарник, называет его «деревом», а чащи, где он произрастает – «лесом». Хотя я половину жизни провел среди саксауловых чащ и немало писал об этом растении, но признаюсь, что вряд ли мог бы описать его столь впечатляюще живописно. Почему же ученый-ботаник не посвятил себя писательской деятельности? Как же это досадно и жалко!..

О саксауле, который ввел даже такого искушенного человека, досконально знающего мир растений и столь безукоризненно сумевшего описать свои впечатления, «в состоянии отрешенности и какого-то безволия», можно рассказывать очень много и долго. Для любого человека, живущего в краю песков, картина эта хоть и привычна для глаз, но всякий раз, входя в саксауловый тугай, он вновь и вновь испытывает ощущение, что находится здесь впервые. Точно такое же неповторимое ощущение обычно испытываешь, когда осматриваешь в музее древние памятники и артефакты. Как хотите, так и понимайте, но как же впечатляюще смотрится саксаул, который, безусловно, является самым главным, самым бесценным, сродни реликвии, экспонатом в живом музее природы казахской земли...

Саксаул... Саксаул, испытавший на себе столь мук и невзгод, чинимых природой, напоминает собой сторбленного, сморщенного от тяжелого бремени времени старца. Древо-старец с потрескавшимся обликом-стволом, стойко переносивший и летний жгучий зной, и зимние трескучие морозы, кажется, стонет, не выдержав боли от ран, нанесенных временем. Стоит лишь только повеять легкому дуновенью ветерка, как по всему тугаю проносятся звуки, похожие на тяжелый стон. Знакомый стон, знакомые звуки. Отчего же человек, ступив в саксауловый лес, испытывает такое ощущение, будто вдруг на миг остановилось вечное движение времени, и почему им овладевает чувство неловкости и растерянности, словно со всех сторон на него настороженно, пронизывающим насквозь взглядом, смотрит бесчисленное множество незримых живых существ?..

У всех божьих творений, живущих в песках, жизнь коротка. Да и вид самой пустыни обманчив. Природа пустынь может легко обмануть людей, никогда здесь прежде не бывавших. Немногим, наверное, известно, что из группы путешественников-любителей, приехавших в эти края из Ленинграда в восемьдесят пятом году, чтобы на велосипедах пересечь Кызылкумы, некоторые погибли. А знают ли мои спутники, что мы едем по тому же маршруту, по которому двигались велосипедисты?

Мы всё дальше углублялись в саксауловый лес. Извивающиеся ветви саксауловых деревьев, росших по обе стороны тропы, постоянно вставали у нас на пути. Прямо перед нами, высоко задрав голову, пробежала ящерица. Заяц-песчаник, показавшийся где-то невдалеке, сбоку от нас, некоторое время бежал наперегонки с нашим вездеходом, пока не исчез в зарослях тамариска.

Спустя некоторое время где-то из глубины чащи до нас донеслось оглушительное, оглашавшее всю округу тарактенье трактора. Хотя это было где-то в стороне от нас, но вездеход намеренно свернул туда, и мы увидели прямо перед собой мощный «С-100», который с корнем вырывал на ходу густые заросли тамариска, росшего между барханами. Мы почти вплотную подъехали к наваленным в огромную, высотой в несколько метров, кучу выкорчеванных кустов тамариска и остановились. Из машины выпрыгнул Кыреке – главный инженер областного управления лесного хозяйства Кыргызбай-ага и решительно направился к работавшим там людям, но, правда, вернулся оттуда еще быстрее, и причем не солоно хлебавши. Это я почувствовал по его сконфуженному лицу: надежда выписать штраф не увенчалась успехом.

– Документы у них в порядке, – удрученно вздохнув, сказал Кыреке. – Окажется, они расчищают свободное место под покосы... Странные какие-то они люди. Как будто в пойме мест для покосов не осталось. И что они потеряли в песках?!

Мы тронулись с места, и дальше наш поход первым возглавил наш вездеход. Где-то за полдень впереди показался и светло-синий купол мавзолея Сырлытам. Обычно древние памятники не находятся в безлюдных местах. Вблизи них всегда располагаются селения. То, что эта гробница, со всех сторон окруженная саксауловым лесом, одиноко и сиротливо стояла в такой пустынной глуши, показалось нам довольно необычным и странным. Обойдя вокруг него, мы вошли через дверь, находившуюся с восточной стороны. Я изнутри окинул взглядом купол, краска на котором еще не успела просохнуть, и у меня закружилась голова. Сквозь круглые дырки-оконца, пробитые по всей его окружности, проникали солнечные лучи, достаточно хорошо освещая помещение.

– Когда я еще недавно приезжал сюда, то одна стена была полуразвалившейся, а восточная могла обрушиться в любой момент. Да и купола тогда не было, – пояснил нам Кыргызбай-ага. – Надо же, изнутри покрасили, а снаружи побелили – когда это они успели... Одним словом, Сырлытам и есть сырлы там¹...

От всего недавно отреставрированного исторического здания исходил запах извести и цемента. Только сейчас я почувствовал, что к этим стенам, еще несколько мгновений назад навевавшим какое-то угнетенно-унылое состояние, оказывается, прикоснулись чьи-то созидательные руки.

– Никто точно не знает, в каком веке был построен мавзолей Сырлытам, – сказал Косылган. – Судя по записям историка, археолога академика Сергея Толстова, сделавшего первый эскизный набросок святилища, его построили самое меньшее шестьсот лет назад. Мавзолей был реставрирован, видимо, по этому рисунку...

Косылган родом из села Кармакчи, откуда мы сейчас и едем, поэтому и хорошо знает историю края, где родился и вырос. Поведав историю Сырлытама, он перевел тему нашего разговора к рассказу о городище Чирик-Рабат. Для нас

¹ Игра слов: Сырлытам здесь истолковывается и как загадочная гробница, и как покрашенная гробница.

история этого поселения, возникшего у берегов некогда полноводной реки Жанадарья еще в четвертом веке, показалась куда интереснее рассказа об одиноко стоящей посреди саксауловых лесов гробнице Сырлытам. По словам Косылгана, в последние годы войны здесь около трех лет велись археологические раскопки. После того как была исследована лишь маленькая часть городища, из-за недостатка финансирования работы были прекращены.

Мы все дружно вышли из гробницы. Только что стоявшие здесь вездеходы куда-то исчезли. Я не мог сообразить, в каком месте мы вошли и откуда вышли, и посмотрел на ослепительно сиявшее солнце. Ведь я как будто входил в мавзолей с северной стороны, а вышел почему-то с южной. Любуясь верхней частью здания этого памятника истории, оказывается, не заметил, что у него два входа.

Мы ехали по глубокой лощине, пролежавшей между барханами. На ум не раз приходила мысль, что эта лощина, возможно, является древним руслом Жанадарьи. Росшие впереди сплошным массивом молодые деревья джиды и ивняка высотой в рост человека указывали на то, что где-то близко от поверхности находится вода.

Спустя некоторое время справа от нас показались очертания древнего кургана, полупогребенного мелким рассыпчатым песком. Внешний вид этого городища, шумно разрекламированного учеными как крупный средневековый город, вызвал у меня чувство полного разочарования. Если нечаянно не напороться на него в пути, то можно не заметить этот памятник, спрятавшийся среди густых зарослей, и проехать его стороной.

К этим полуразвалившимся руинам стен Чирик-Рабата подошло бы скорее описание не «засыпанные песком», а «расчищенные от песка».

Мы остановились у толстого, окружностью с талию человека куста тамариска, росшего на северной стороне кургана. Наши водители собрали валявшиеся взрзброс на подступах к кургану кирпичи и стали сооружать очаг. Борис, забросив дорожный мешочек за спину и зажав под мышкой маленький топорик, пошел к тугаям. Мы же с Косылганом поднялись на вершину кургана.

На месте городища окружностью в одну конную побегжку возвышалась крепостная стена высотой не более пяти-шести метров, а точнее, сильно обрушившийся ее фрагмент, выложенный кирпичом. То тут, то там среди саксаулового леса, простирающегося до самого горизонта, виднелись невысокие холмики.

– Прочитав как-то исторические сведения о Чирик-Рабате, я почему-то думал, что это был очень крупный город, – разочарованно поглядывая на выщербленные и выветренные кирпичные стены, сказал я.

– Перед нами лишь только цитадель города, а вся основная его часть погребена под холмами, лежащими вокруг, – пояснил Косылган. – Она-то и является по сути Чирик-Рабатом. В цитадели жили богачи, а в самом Рабате – бедняки.

С восточной стороны смутно проглядывали очертания древнего русла реки, заросшего молодыми кустами джиды и побегами тамариска. В глубоком рву, вкруговую опоясывавшем крепость, росли вперемешку саксаул и густые заросли колючего чингиля.

К нам, тяжело дыша, подошёл Кыреке.

– Видите, в этом месте вода, оказывается, находится к поверхности очень близко, – с трудом унимая одышку, сказал он. – Если бы не этот саксаул и чингиль, то Чирик-Рабат давно уже был бы погребен под толстым слоем песка. Ведь саксаул

имеет очень глубокие корни. Он высасывает воду из глубины в семьдесят, а то и в восемьдесят метров...

Хотя он чувствовал, что мы явно не расположены слушать его лекию о саксауле, но продолжал в том же духе.

– Саксаул защищает от нашествия песков не только Чирик-Рабат, но и всю казахскую землю... Если бы вдруг внезапно Кызылкумы слились с Каракумами, то ровно половина всех наших земель превратилась бы в песчаную пустыню. За то, что казахский народ стал обладателем такой огромной территории, он в первую очередь обязан Творцу-Создателю, а потом уже саксаулу...

«А что если использовать эту идею в фильме? – ненароком подумал я. – Ну почему бы тогда нам не снять фильм о жантаке – верблюжьей колючке?.. Даже прижимаясь-пригибаясь к земле, он пускает корни в землю поглубже, чем чингиль. Корни... Корни саксаула... Корни чингиля... Корни жантака... Надо же, вот так запросто возникла не только идея фильма, но и его название. Да, да... “Глубокие корни”»... Не знаю как редактору фильма, но мне лично идея эта очень понравилась.

Долго еще доносился из тугайных зарослей стук топора, пока не появился и сам Борис. Обойдя курган вкруговую, он бросил целую охапку веток, которую нес, прямо возле машин.

– Наш Баке знает, – сказал, рассмеявшись Кыргызбай-ага. – Чего здесь в избытке, так это туранги. Вырезанный из нее черенок кетменя никогда не сломается.

– А вам что, Кыреке, жалко каких-то нескольких веток? Прежде говорили: «Кто по тугаям ходит, тот дом себе построит», а теперь, выходит, надо говорить по-другому: «Кто по тугаям ходит, тот из себя шпиона строит»? – нахмурившись, с обидой в голосе сказал Борис.

– Прикинем, домостроитель – Борис, а кто же тогда шпион-разведчик? – спросил Косылган, так и не поняв сказанного.

Увязая по самые колени в сыпучем песке, мы спустились вниз. Парень-водитель, суетившийся у очага, живо накрыл дастархан.

– Ну, как черенки для кетменя? – спросил я, глядя на рассыпанные возле очага коротковатые на вид ветки. – А не слишком ли они коротки для кетменя?

– Кап! Надо же! Я ведь совсем забыл, – с сожалением в голосе воскликнул Борис и, словно опомнившись, стал быстро засовывать в мешок короткие, длиной в локоть, короткие ветки. – Как бы теперь они не стали ни на что годны...

Взяв одну ветку в руки, стал проворачивать ее вокруг оси. Затем вдруг резко вытащил из кармана складной нож и поднес было к темно-серой коже ветки, как на ней выступил розоватого цвета сок. Я посмотрел на застывшую, как человеческая слеза, розовую капельку и вспомнил слова моей матери: «Живую турангу рубить нельзя, это священное дерево, когда ее рубишь, то на ее поверхности выступает кровавая слеза».

Когда я рассказал об этом, Борис задумался на миг и промолвил:

– Верно сказано. Потому что, стоит лишь срубить ветку туранги с тонкой кожей, как в течение времени, достаточного, чтобы вдохнуть воздух, она превращается в черный камень. То же самое происходит и с джидой. Надо успеть обстругать ее, пока она не засохла. Но в любом случае для нас нет более подходящего дерева, чем туранга. Вот, видишь, у этой веточки не только корочка мягкая, но даже и сердцевина... Надо сразу же хватать рубанок и тут же обстругать ее...

Я пристально, словно впервые только увидел, всматривался в тугайные заросли, где росла туранга. Хотя чащи, где растет туранга, воспринятая Питиримом Сергеевичем как особое растение, для меня не в диковинку.

«Обычный тополь, по-местному “терек“, – основа для названий многих селений и урочищ: Ак-Терек, Уч-Терек, Терекли, Теректас. Но здешний пойменный тополь, тополь евфратский называют туранга; листья на нем всевозможной формы от линейных до округлых, с различными переходами и вариациями рассеченности контура листовой пластинки», – так записал ученый.

Я в обиде на путешественника за то, что он, находясь в чаще, где растет туранга, стал молотить сущий вздор о каких там «ак тереках» и «кок тереках». Я бы не смог променять одну туранговую рощу на сто таких же рощ, но где растут тополи других видов. А если завести речь о названиях местности и селений, то я ни разу не слышал, чтобы на всей Сырдарье, особенно в нижнем ее течении, встречался населенный пункт с таким названием. А в противовес этому могу найти сто аулов с названием Жидели. Ведь я сам вырос в ауле Кокжиде, что в переводе на русский означает «зеленая жидида». Так почему бы мне не назвать эту низменность, где произрастает такое удивительное дерево, как туранга – Турангисай?..

Борис вытащил из своего дорожного мешочка длинную извилистую ветку и поднес к моему лицу. Эта обломанная ветвь была удивительно похожа на змею, которая, напрягшись всем своим телом, замерла перед своим смертельным броском.

– Ее не надо ни очищать, ни шлифовать. Просто достаточно сделать прочную подставку и хорошенько прикрепить к ней эту ветку, – стал объяснять мне Борис. – Если я повезу эту «змею» на выставку в Алматы, то разве не попадают там все от удивления, а?..

Только теперь я, кажется, начал понимать, почему этот мастер прикладного искусства и народных промыслов, который ходит-бродит по побережью Сырдарьи, собирая выброшенные на берег наносы в виде обломанных веток, щепок и бревен, присоединился к нам, выехавшим в глухие и отдаленные места людям. Здесь я бы посчитал лишним повторять заезженные слова: «Природа сама – художник».

– Я читал о том, как ты сравниваешь саксаул с человеком. А ведь и вправду саксаул больше похож на человека, чем на змею, – сказал мне художник, вытаскивая из своего заветного мешка еще одну ветку. – Ты только взгляни, вот это его живот, это – голова, а это вот – руки...

Я тотчас посмотрел на лицо Бориса. И его лицо, изборожденное линиями глубоких морщин, жилистые руки и длинные, немного искривленные пальцы напоминали ствол саксаула с его витыми-перевитыми ветвями. Глядя на него, я вдруг подумал: если уж такой крепко сбитый мужик напоминает собой это удивительное дерево, то уж худющие, как мы с Косылганом и Карабалином, и подавно. А если уж взглянуть в самую суть, то и Кыргызбай-ага, и водитель такие же.

Эта мысль показалась мне по-настоящему интересной. Я вытащил из кармана блокнот и стал записывать. «Люди, а в особенности казахи, похожи на саксаул. Они всю жизнь, подобно саксаулу, проводят с вечно неутоленной жаждой. Поэтому казахский народ, как и саксаул, глубоко врастает корнями в землю... Он (казахский народ), подобно саксаулу, негнибаемо и стойко переносит все трудности и лишения, ниспосланные самой суровой и подчас жестокой природой... Казахский народ... А как там еще дальше?..»

Мне самому настолько сильно понравилась эта мысль, что не терпелось озвучить ее моим спутникам. Первым до сути внезапно пришедшей ко мне мысли дошел Косылган.

– Довольно интересно подмечено... Саксаул не разрубишь топором и не распилишь ножовкой... Его можно сломать или расколоть, только лишь ударив другим саксаулом...

– Да и казахи такие же неуязвимые... – внезапно подхватил и развил мою мысль Борис. – Наиболее искусственные враги прекрасно знали, что казахов можно победить в том случае, если натравить их друг на друга...

Вот так совершенно неожиданно идея фильма стала приобретать свои зримые очертания. Не знаю, как воспримет ее Косылган, но мне самому, похоже, начинает нравиться основная сюжетная канва, которая от мира растений постепенно перейдет в мир человеческих взаимоотношений.

Тем временем поначалу короткая тень, отбрасываемая от руин цитадели, постепенно удлинилась и полностью накрыла собой наш пятачок. Я смотрел на окружающие нас густые чащи, где саксауловые деревья росли впритык друг к другу. Действительно, эти удивительные растения так похожи на людей, которые смотрят на небо и, раскрыв ладони, с мольбой обращаются к Всевышнему...

Что б там ни было, но, наверное, мы действительно потомки народа, который всегда с надеждой смотрел в завтрашний день.

2

Кекрели и Мынкап – самые крайние селения на южной границе Казахстана. Здесь само слово «граница» является сдерживающим фактором. Это мы поняли из слов заведующего отделением.

– В эти места наши джигиты особо часто не заезжают. Запуганы штрафами до смерти. К тому же, расстояния между населенными пунктами очень уж большие, – сказал он, провожая нас. – Саксаулом всё больше наши узбекские да каракалпакские братья промышляют. Выпадет случай, возможно, они тоже снимутся в вашем кино...

Слова главного здесь человека оказались правдой. Полдня мы напрасно прочесывали саксауловые леса, ну и невезуха, хоть бы одна живая душа нам встретилась. Изредка попадались участки, где саксаул был вырван с корнем. Вообще, здесь люди, занимающиеся заготовкой дров, топоры с собой не берут. Они им ни к чему. Все очень просто. Берут длинный трос, опоясывают им заросли саксаула, окружностью приблизительно с дом, и, прицепив его к машине, вырывают растения с корнем. Вот только жалко, что заодно уничтожают молодую поросль – жігер.

Полдня рыскали мы по пескам, пока где-то после полудня наконец-то не наткнулись на порожний «КамАЗ». Подошли к трем сидевшим возле грузовика джигитам, которые сидели у костра и жарили на вертеле зайца. Парни оказались родом из нашего Кармакчи, но по их реакции не было заметно страха перед лесниками.

– Ружья у вас имеются, джигиты? – спросил их старший лесник, на что они лишь рассмеялись.

– В Чирик-Рабате зайцев полным-полно, – ответил потом один из них. – Зачем же нам ружья, местные их здесь палками забивают.

– Какими палками?.. Ты, видно, рассказываешь мне старинные байки...

– Никакие это не байки, я говорю о том, как это происходит в наши дни. Если не верите, то можете пойти с нами, мы загоним зайцев в крепость и голыми руками их вам наловим.

Конечно же, я не поверил рассказам парня про то, что он на них с палкой охотится. Я тоже слышал притчи о том, как в давние времена охотники палками добывали фазанов и зайцев. Я думаю, что палки эти были, скорее всего, кривыми, говоря нынешним языком, бумерангами. А вот в то, что длинноухих загоняют в древнюю крепость и ловят там, верить или не верить, сам не знаю.

– Наверное, и троса у вас нет?..

– А трос нам ни к чему. Вон, на «кладбище саксаулов» их валяется великое множество. Будто кто-то с нетерпением ожидал нашего приезда сюда и заранее аккуратненько сложил их для погрузки. Не сломайся эта чертова машина, давно бы уже успели загрузить полный кузов дров.

– Что это еще за «кладбище саксаулов»? – оживился вдруг Косылган.

– В местечке «Мынkap» за день было уничтожено тысяча гектаров саксаула. Дров там – целое море... Валяются повсюду огромными кучами.

Придаться к ребятам, чтобы оштрафовать их, было не за что: ни ружей у них не было, ни саксаула, чтобы взять с поличным, наоборот, они сами взяли нас в оборот, умоляя одолжить им запасной баллон. Было жалко оставлять своих ребят на произвол судьбы в этой пустынной глуши. Что уж тут поделаешь, пришлось отдать им валявшийся в кузове вездехода старый баллон, предварительно подлатав его. Но и мы не остались в долгу, в обмен за это попросив их ответить на несколько вопросов, касающихся незаконных методов заготовки дров, и записали всё это на камеру. Эх, так хотелось, чтобы съемочный процесс продолжался в таком ускоренном темпе – вот так на ходу, на лету. Как говорится, войдя в азарт, умей остановиться вовремя.

– Было бы просто здорово, если бы мы сняли с вашим участием эпизод с погрузкой саксаула, – горячо стал умолять-убеждать парней Косылган. – Если вы поможете, то работы тут всего на полчаса...

Итак, мы неожиданно и внезапно превратились из киношников в «незаконных заготовителей дров» и один за одним на трех машинах отправились в путь.

Разве казахи лезут за словом в карман? Но всё же я могу поспорить с тем, что фраза парня-дровосека «кладбище саксаула» не совсем удачна и вряд ли он знает все тонкости казахского языка. Неизвестно, сколько там повалено саксауловых деревьев, но, по-моему, слово «кладбище» здесь совершенно неуместно.

В скором времени мы пересекли потрескавшийся от зноя такыр и стали подниматься на низкий и приземистый бархан. И что же, вы думаете, мы увидели перед собой, когда въехали на его вершину и остановились, свернув на обочину?

Впереди нас вместо когда-то густого, дремучего саксаулового леса, который бы скрыл даже человека, сидящего верхом на верблюде, до самого горизонта простирались мертвые останки бесчисленного множества деревьев, поваленных, видимо, очень давно. Все они были повалены в одну сторону, будто здесь пронесся чудовищной силы ураган и снес их в одно мгновение, или же промчался могучий паводковый поток. Да, именно в одну сторону. Казалось, некто аккуратно положил их просушиться под жарким солнцем.

Кто бы мог подумать, что на территории государственного заповедника, где находится самый большой в Казахстане саксауловый лес, мы увидим участок,

покрытый ссохшимися до ослепительной белизны, прогнившими насквозь останками саксауловых деревьев...

В ходе монтажа документального фильма «Глубокие корни» я связывался со многими учреждениями и учеными, чтобы собрать полные сведения о «кладбище саксаулов». Я не нашел никаких научно обоснованных сведений, ясно и четко аргументированных заключений и выводов, если не считать уклончивых ответов и гипотез о том, что это явление могло произойти еще во время запуска первого спутника Земли или же от того, что подземные воды сменили свое направление. Ко всему прочему, даже аксакалы, прожившие в этих песках всю жизнь, и те не смогли сказать мне ничего существенного.

Здесь ясно одно. Если даже саксаул, проявляющий в борьбе за существование уму непостижимую жизнестойкость, гибнет вот так вот запросто и непонятно, по какой причине, то это вызывает серьезную тревогу и беспокойство.

Позже, во время командировок в Кызылкумы на Сырдарью, мне приходилось слышать разные мнения местных жителей и лесников по поводу этого события. Одни связывали катастрофу, происшедшую с саксауловым лесом, с проблемами Аральского моря, а другие пытались объяснить это с резким уменьшением стока воды в Сырдарье. Многие склонны искать причину в испытаниях, проводимых на космодроме Байконур. Правдой оказалось то, что совсем недавно из отделения Абитай Кармакчинского района в сторону указанной выше космической гавани провели очень мощный по пропускной способности водовод, по которому пустили подземные воды.

Саксаул – растение неприхотливое. Он может произрастать даже среди сыпучих-зыбучих песков, где за сотни километров вокруг нет ни капли влаги. Поэтому почти мгновенная и необъяснимая гибель на глазах у людей огромного по площади саксаулового леса на самом деле стала весьма потрясающим по своим масштабам явлением. Ну, а сколько таких удивительных явлений происходит по сей день в пойме Сырдарьи и в окрестностях Арала!

Происшедшая с саксауловым лесом катастрофа в Кызылкумах напомнила мне о гибели крупных рыб, которые, почувствовав надвигающуюся экологическую катастрофу, стали в массовом порядке выбрасываться на берег. Одним словом, суицид. Самоуничтожение самой природы, самоубийство сотворенных ею существ. Из всего этого следует вывод, что и природа обладает даром предчувствия.

По верованиям кочевого народа, поклоняющегося только единому Творцу вселенной – Тенгри, когда-то, в незапамятные времена вначале были сотворены Небо и Земля, их связывало друг с другом Исполинское Древо – Алып Дарак – древо жизни. То есть, Алып Дарак играло роль посредника между безграничным космосом и подземным миром, расположенным под семью толстыми слоями земли. Его глубокие корни были тесно связаны с последним.

Почти у всех народов мира существует традиция сажать дерево на могиле умершего. Возможно, люди, начав забывать язык природы, хотели связать между собой посредством древа жизни этот свет с тем светом? «Над его могилой вырос белый чингиль, значит, душа его в раю», утверждали наши предки, тем самым они, наверное, желали связать между собой оба мира?..

У подножья надгробного камня лежит букет цветов. Уже сейчас увядают его стебли, блекнут зеленые листья, рассыпаются лепестки, и уже завтра он отпра-

вится в неизвестный нам иной мир. Куда отправится и зачем отправится? Об этом ведомо лишь одному из бесчисленных творений таинственной природы – каждому из цветков в букете и больше никому.

А мы, конечно, не знаем слишком многого. Как жалко, что человек, положивший к подножью надгробного памятника букет цветов, отправляет тем самым своего посла в неизвестный, потусторонний мир!..

ЭПИЛОГ

В начале двадцатого века великий поэт Ильяс Джансугуров, воспевая мир растений казахской земли, написал следующие строки:

Мыңтамыр, жуа, рауғаш, жаужапырақ,
Балауса, сарғыш, селдір, ермен, бақбақ,
Шоңайна, мендуана, сора, шақпақ,
Ішінде көп қурайдың сұлу солар.

Да простят меня те, кто не владеет истинным казахским языком, может быть, жуа – дикий лук и рауғаш – ревень, а также мурава и одуванчик по-своему красавцы, но насчет красоты репья и колочки, думаю, так может выразиться только настоящий поэт...

«...Это ни с чем не сравнимое наслаждение, занятие, полное неожиданностей, волнующих загадок и красоты: красоты формы, цвета, аромата, всего, что может дать только мир растений...

Да, только долгая мертвая зима может подготовить к восприятию радостей среди цветущих растений, и такие переходы от мертвого к живому сохраняют и питают веру в существование чудесного», – едва сдерживаясь от восторга, писал Питирим Сергеевич Массажетов.

Прекрасный, наполненный силами соков природы мир, изящество и красоту которого не в силах передать человек. Допустим, вы пришли на выставку природы, вобравшей в себя всю неповторимо-преlestную неотразимость обеих миров, меняющую свой облик, обновляющуюся, возрождающуюся в зависимости от смены времен года. Названия и виды скольких растений, находящихся на этой выставке, украшенной чрезвычайно богатым букетом цветов в зеленом обрамлении лугов, вы могли бы перечислить поименно?.. А ведь общее число одних только выставленных здесь растений, известных науке и людям, свыше шести тысяч. Когда наступит время оценить всё имеющееся и учесть то, что уже потеряно, наверное, нелишне будет, если мы воспримем каждый клочок казахской земли как выставку природы...

Читая записки Массажетова, искренне веришь в то, что казахская земля на самом деле является выставкой природы.

«...Здесь среди выжженной солнцем растительности густые свежие кусты со- лодки трилистной, выше – розетки-орнаменты мачка-гляуциума. Его двухлетние особи отцвели и раскинули в стороны длинные плоды-стручки, а немного выше этот мачок встретился с цветами – крупными, ярко-желтыми. Вдоль дороги протекает ручей, там у воды обычные травы: мята, вербена, вероника, мощный молочайник и высокий, с лупящейся корой на стеблях розовый кипрей, а возле дороги – роскошная группа астрагалов с соцветиями в виде лисьих хвостов. Ни- где в мире больше нет такого обилия видов астрагала».

Да, мы постепенно стали забывать многие ценные свойства благотворных трав, населяющих прекрасный, наполненный живительными соками мир, который можно назвать природным хранилищем казахской степи. Не лишне было бы, пожалуй, написать отдельную книгу о каждой из двух десятков трав, произрастающих на крохотном пятачке земли.

Девясил... Да, снова и снова девясил, о котором с восторгом говорил на Алтае Шаймерден-ага, о котором не раз упоминает Массagetов – это обычное растение называемое у казахов карандыз. Раньше многие знали о том, что девясилковое вино – самое эффективное средство при лечении желчекаменной болезни, кровяного давления и особенно астмы. К сожалению, нынешнее поколение, в последнее время увлеченное крепленными винами, забыло об этом.

Когда-то люди готовили из зерен рогатого мака, упоминаемого Массagetовым, целебное масло, которое выводило глисты. Моя мать, всю свою жизнь являвшаяся лекарем, использовала это растение при лечении коклюша. Я не раз собственными глазами видел, как после выпитой настойки у больных мгновенно прекращался ужасный кашель. А о людях, употребляющих на свою беду опиумный мак не по назначению, разговор отдельный.

Казахи, пуще смерти боявшиеся аконита, еще с давних времен использовали его как лекарство. Это уже хорошо. Люди, отравившиеся аконитом, умирают обычно не сразу, а после долгих продолжительных мучений, доходя до полного истощения. Бывали случаи, когда породистого жеребца – аргмака, участвующего в скачках-байге или в игре кокпар, соперники его владельца тайно подкармливали корнями аконита, и скакун погибал. Это уже, конечно плохо. Да и печально, конечно.

И всё же, почему мы должны забывать о том, что для человека разумного – гомо сапиенса самая главная ценность мира растений, дарованного волей Всевышнего, состоит в том, что он является неиссякаемым источником питательных веществ, необходимых нашему организму? Это уже главное.

Я вот порой думаю: а почему люди, начинавшие свою жизнь на этой земле, занимаясь на первых порах собирательством, всё время вновь и вновь возвращаются к этой традиции? Что касается меня, то я люблю собирать грибы и черемшу, землянику и ее листья с не меньшим азартом, чем охотничий.

Среди двадцати выделяемых Массagetовым трав, о каждой из которых можно написать книгу, я знаю только те, что были уже упомянуты мной. Потом еще... Потом ревень и каперсы.

«...Листья ревеня. Ими устланы все холмы. В одном месте встретил копаные ямки и обломки растения; кто-то собирал здесь его корни для своих нужд, скорее всего для дубления кож или овчин. Запасы этого дубителя огромны», – писал Массagetов. Мне нечего добавить к этому.

Все мы знаем: чего больше всего на казахской земле, так это ревеня. Наш народ ел ревень и в голодные, и в сытные годы.

Пирожки с ревенем, суп из него и варенье – дивные угощения, которые приятно разнообразят дастархан. Мы своими собственными глазами видели, как еще недавно, во времена переходного периода, тяжким бременем легшего на плечи нашего народа, немало наших современников собирали дикую черемшу, родственную жусаю, дикий ревень и благодаря их продаже на базаре смогли свести концы с концами. Тогда, помнится, мы слышали пустопорожные заявления за-

жравшихся чиновников о том, что, мол, надо ввести налог для тех, кто собирает дикие растения, чтобы как-то выживать.

Помнится, еще босоногими пацанами мы косили еще не до конца созревший ревеня и собирали его большими охапками. А уже зрелый ревеня использовали в качестве растопки. Хотя тепло от него мы ощущали слабо, но зато по сей день у меня во рту стоит вкус супа из ревеня. Мне приходилось слышать о том, что из отвара девясила изготавливали резинку, а из корней чингиля – мыло, но о том, что из корня ревеня получают дубитель для дубления кож и овчин, услышал впервые.

Казахи, не имевшие в прошлом поблизости от себя ни фабрик, ни заводов, искали необходимые для бытовых нужд химические препараты в степных растениях. Умели и находить, и применять их.

Простой казахский джигит сообщил Массажетову, прибывшему на берега Сырдарьи, немало секретов и тайн степных растений.

«...Весь день шли мы на восток по холмистой местности. Чамыш нагибался, срывал какое-нибудь растение и рассказывал. Вот он держит смуглой рукой ключую красавицу персидскую розу – веточку с ежиками-плодами.

– Это четтык-текен. Когда он цветет, его рубят кетменем, кладут в котел с водой, туда же бросают старое ржавое железо. Получается прочная черная краска для шерсти.

– А вот желтая краска для кожи, овчин, – Чамыш показал пожелтевший лист конского щавеля. – Это – ат-кулак. Краску получают из его корней.

Следующим растением была сизо-зеленая шершавая травка хрзофора, с ней мы встретились сегодня на холмах, и мне удалось там же определить ее название и узнать из описания, что хрзофора – известный краситель. Послушаем, что скажет о ней Чамыш.

– Это – ассагата. Да, ею красят шерсть в прочный зеленый цвет. Кладут свежую (сухая не годится) в котел с кипящей водой, а сверху – шерсть. Потом всё это остывает и стоит десять дней... Да, конечно, эти растения и целительные. Ассагата очень хорошее лекарство. Высушенную, ее заваривают как чай и пьют при запорах. Четтык-текен курят вместе с табаком, когда во рту язвы. В таких случаях еще полощут рот водным настоем ат-кулака».

Приводя такие примеры, иногда я подумываю о том, что сегодня, когда многие люди хотят заняться частным предпринимательством, вполне могли бы использовать некоторые старинные методы производства, которые стали постепенно стираться в сознании народа. А почему бы и нет? Пусть кое-кто из наших современников, гордо заявляющих о том, что они «частные предприниматели», мотают себе на ус. Возможно, казахи, прочитав записки Массажетова, будут использовать полезные свойства степных трав не только для своих нужд и потребностей, но и будут экспортировать их в другие страны и в виде сырья, и в виде готовой продукции.

А этих готовых продуктов в степи было много.

«...Вот ведь желтник этот – самый первый корм: и молоко доброе, и скотина всегда в теле. С желтником этим тут у нас целая история была. Перед мировой войной с травы этой на ноги люди встали: машины, сенокосилки покупать начали, крыши железом крыть под силу было. Приехал тогда к нам мериканец один и говорит: собирайте семена желтника и сдавайте мне, я буду платить, сколь ни соберете. Мы, говорит, эту траву будем сеять в наших степях, в Америке, значит.

Что тут было! Не сразу, конечно, а после того, как первые деньги получили. Бабы, старухи, ребята – все на желтник бросились».

Да, этих готовых продуктов было много. Но с ними как с товаром обращались немногие.

Упоминаемый Массагетовым выше желтник – это клевер, то есть дикий вид люцерны. Мы ведь сами видели, как в советские времена сбор семян люцерны был поставлен на производственную основу, они экспортировались в зарубежные страны, а в наших южных областях даже появились культурные пастбища, где высаживался желтник-сарбас. А сегодня?..

С незапамятных времен необъятная казахская степь являлась в лихую годину для местного населения источником выживания, а для отправлявшихся в дальнюю дорогу – живым хранилищем требуемой для организма энергии. Они делали из сладкой колочки леденцы и везли их на базар. Собирая мешками каперсы, отвозили их в город, где русские мариновали и добавляли плоды этого растения в супы, а настойку полыни, зная о ее способности выводить из организма человека глисты, смешивали с водкой и пили. Казахи же, продав узбекам золу эфедры, затем покупали у этих же братьев насвай, куда те добавляли купленную у наших дедов золу, и закладывали его себе под язык или за нижнюю губу...

«...Обрывистые песчаные берега увешаны длинными, как веревки, корнями лакричника, солодки. Вот где, не тратя сил на выкапывание, можно собрать тысячи пудов корней солодки. А корней этих до мировой войны из России вывозили ежегодно более миллиона пудов», – писал Массагетов. А сегодня?..

В одной известной казахской сказке хан спрашивает у своего визиря: «Какая из трав плохая?» Тогда глупый визирь в ответ показывает ему обыкновенный чингиль. А ведь шенгель является для «кораблей пустыни» верблюдов незаменимой пищей, а мелкая скотина, питаясь его семенами, быстро нагуливает жир. Причина, по которой визирь назвал чингиль «плохой травой», явилось то, что в летние месяцы на его венчиках собирается похожая на сливки липкая жидкость. Вот эту самую жидкость, которая прочно приклеивается к одежде и оставляет на ней несмываемое пятно, казахи и называли «жаман шёп» – «плохой травой». А большая ошибка неуча-визиря заключалась в незнании им того, что сама природа сделала эту «плохую траву» своего рода квинтэссенцией полезных веществ, и что мед, собранный пчелами из цветков чингиля и из этой квинтэссенции, обладает особыми лечебными свойствами.

Единственный недостаток степной кладовой – это нехватка деревьев, идущих на топливо. Несведущие казахи использовали итсигек-анабазис в качестве топлива из-за того, что считали его бесполезным растением, так как его не ела ни одна скотина. А осведомленные казахи варили из цветков итсигека поташ – карбонат калия, сфера применения которого очень широка и в быту, и в народном хозяйстве.

«...С тех пор как не стало медного купороса, здесь пробовали опрыскивать сады отваром разных трав – софоры, дармины, но лучшие результаты – не хуже, чем с медным купоросом, – дал отвар анабазиса. Вот каков, оказывается, “никчемный” ит-сийгек!» – писал Массагетов.

У казахов существует выражение: «Рожден похожим на природу». Любопытно, что человек – близкий родич растений, появляющихся из почвы, тоже похож на свою родную природу. Не будем далеко ходить за примерами, возьмем саксаул, который является «символом казахской земли».

Когда речь заходит о саксауле, мне вспоминается моя командировка в Кызылкумы еще в девяностом году и рассказ о растениях, имеющих глубокие корни, услышанный мною во время этой поездки. Саксаул, творение пустыни, очень похож на казахский народ, имеющий богатую историю и глубокие корни. А может, это сами дети великой степи похожи на саксаул...

Страна казахов, занимающая одну тридцатую часть земного шара, и народ, населяющий ее, в неоплатном долгу перед саксаулом за то, что он защищал эти земли от нашествия песков, в долгу перед дарминой, черемухой и ревенем за то, что в трудные периоды были незаменимым лекарством и необходимыми витаминами для людей. Потом еще в долгу перед зверобоем и кислицей, мятой и молочаем... Об этом должны помнить перед своим уходом в небытие все поколения, когда наступает время подводить итоги прожитой жизни...

Если Создателю угодно даровать кому-нибудь что-то, то велико его могущество и бесконечно щедро его рука. Питирим Сергеевич Массажетов, о котором мы рассказали – потомок вчерашних кочевников, родившийся в конце девятнадцатого и ушедший из жизни во второй половине XX века. Если не брать в счет его вклад в мировую науку, то он исполнил самый главный долг человека – прожить полнокровную, деятельную жизнь, пройдя через все трудности и невзгоды. Возможно, он и не в первых и не в последних рядах людей, исполнивших по возможности до конца свой долг и обязанности. А лично для меня с того дня, как я приступил к чтению книги Питирима Сергеевича, азбукой путешественника стали его следующие слова:

«...Очень серьезно относятся казахи ко всему, что касается растений. Если вспоминали такое, какого не было в наших сборах, хозяин юрты, дородный, лет пятидесяти, отдавал распоряжения, и кто-нибудь из молодых выбегал и приносил травку, о которой шла речь. Так мне показали кумыздык – прекрасное средство при чахотке. Им оказалась альпийская гречиха. Здесь ее называют по-разному, в зависимости от применения: если она идет для дубления кож, для чего используются корни, она значится таран. С лечебными же целями применяют молодые побеги, и тогда ее называют кумыздык.

Один из присутствующих сообщил, и это подтвердили другие, что есть растение, которым лечат чахотку в тех случаях, когда кумыздык бессилён. Однако никто не брался принести эту траву, даже названия для нее приводились разные, сошлись на том, что это сары-баш-чоб. Однако Алексей пояснил, что это не собственное название, под ним значатся все малоизвестные травы с желтыми цветами. Говорили, что трава растет только у самых снегов, раньше она и здесь встречалась, но уничтожена скотом (значит, не ядовита, это еще интереснее).

Я был удивлен четкостью работы нашей “конференции”. В обсуждениях выступали по очереди, никто никого не прерывал, а когда я делал записи, воцарялась тишина.

И еще одно растение не могли мне показать. Оно тоже растет на высокогорных пастбищах джайлау, но там, на юго-востоке. Это мамыры – лучшее лекарство при детских болезнях: скарлатине, дифтерии, кори. О могуществе мамыры даже поговорка существует: “Мамыры болса, балам өлмейтын еді” – “Был бы мамыры, мое дитя не умерло бы”...

В это время, приподняв входную штору-дверь, в юрту вошел старик, его я видел ранее тихо сидящим в стороне. В руке у него был пучок травы. Он передал траву рядом сидящему, тот – хозяину. Что это? – Это та самая “сары-башка”.

Я увидел знакомое алтайское однолетнее растение – нежную, хрупкую хори-спору с желтыми цветами. Сомнений быть не могло – только у нее такой волнистый, бугорчатый, как четки, стручок-плод.

От души поблагодарив всех за очень полезную беседу, я сказал, что узнал здесь много совсем для меня нового, чего до сих пор не слышал и в книгах не читал. Хозяин на это привел длинную назидательную поговорку о том, что недостаточно учиться и читать, надо еще поехать, повидать».

* * *

Что ж, на этом попрощаемся. Хотя я не имею никакого отношения к ботанике как к науке, но в последнее время, как освобождаюсь от будних забот и дел, то меня так и тянет рвануть, уехать в горы, в степи или пустыни. Как сказал Питириму Сергеевичу аксакал одного аула: «Надо довериться зову своей открытой души». А я знаю, что для этого надо только путешествовать.

Среди песков в местах с очень скудной растительностью живет трава Саламалейкум. На вид невзрачное, заурядное растение. Если вы когда-нибудь увидите эту нежную, качающуюся под порывами ветра, издающую тихий шелест траву, то не забудьте вначале почтительно склониться перед ним, а затем произнести «Саламалейкум»... Ну что ж, в таком случае...

– Саламалейкум, мир растений!

Перевод с казахского Романа Токбергенова.

